

ДОКЛАД

№ 91 / 2023

Российский совет
по международным
делам

Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика

Андрей Кортунов
Василий Кузнецов
Александр Яковлев
Елена Дунаева
Амур Гаджиев
Луиза Хлебникова
Иван Бочаров

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2023

УДК [323/327+338.1](5-15)

ББК 66.2(53)+66.4(53),9(0)+65.9(53)

Р32

Российский совет по международным делам

Авторы:

канд. ист. наук **А. В. КОРТУНОВ**, канд. ист. наук **В. А. КУЗНЕЦОВ**, д-р ист. наук **А. И. ЯКОВЛЕВ**,
канд. ист. наук **Е. В. ДУНАЕВА**, канд. ист. наук **А. Г. ГАДЖИЕВ**, канд. ист. наук **Л. Р. ХЛЕБНИКОВА**, **И. А. БОЧАРОВ**

Рецензент:

канд. юр. наук **А. Г. АКСЕНЕНОК**

Редакторская группа:

Е. О. Карпинская (ответственный редактор), **И. А. Бочаров**, **Д. Р. Селяускина**,
канд. ист. наук **С. М. Гаврилова** (выпускающий редактор)

Р32 Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика: доклад № 91 / 2023 / [А. В. КОРТУНОВ, В. А. КУЗНЕЦОВ, А. И. ЯКОВЛЕВ, Е. В. ДУНАЕВА, А. Г. ГАДЖИЕВ, Л. Р. ХЛЕБНИКОВА, И. А. БОЧАРОВ; под ред. Е. О. Карпинской, И. А. Бочарова, Д. Р. Селяускиной, С. М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2023. — 84 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6049978-2-6

На Ближнем Востоке сохраняется напряженность, вызванная противоречиями между региональными игроками, а также социально-экономическими проблемами и политической нестабильностью в отдельных странах. В этих условиях политические и экономические тенденции на Ближнем Востоке требуют теоретического осмысления. Доклад посвящен основным региональным тенденциям, которые происходят на Ближнем Востоке. Авторы доклада сосредоточились на изучении актуальных политических и экономических процессов, происходящих в арабских странах, а также в неарабских государствах региона — Иране, Турции и Израиле. Кроме того, рассматриваются основные тенденции во внешней политике стран Ближнего Востока.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/report91

Содержание

Введение	4
Глава 1. Арабский мир: тенденции внутривполитического развития	10
Глава 2. Экономические тенденции в арабских странах	21
Глава 3. Внутривполитическая и социально-экономическая ситуация в Исламской Республике Иран	41
Глава 4. Внутривполитическая ситуация в Турецкой Республике	46
Глава 5. Основные внутривполитические тенденции в Государстве Израиль	52
Глава 6. Основные тенденции во внешней политике стран Ближнего Востока	57
Заключение	77
Об авторах	79

Введение

Кортунов А.В. Уже название нового доклада РСМД — «Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика» — способно вызвать возражения и споры. Допустимо ли говорить об общерегиональных тенденциях применительно к Ближнему Востоку? Уж очень неоднороден и разнообразен этот регион мира, уж слишком разнонаправлены траектории политического и экономического развития стран, его составляющих. Тут есть арабские и неарабские общества, очень богатые и очень бедные страны, светские и теократические режимы, относительно стабильные и крайне неустойчивые и хрупкие государства.

Даже если редуцировать Ближний Восток до условного «арабского мира», то и здесь не так просто найти общие знаменатели и выявить общие тренды. Объединительные импульсы соседствуют с острыми противоречиями, осознание принадлежности к единой общности не отменяет ожесточенной конкуренции, территориальных споров и борьбы за региональное и субрегиональное лидерство. Поэтому трудно предположить, что в обозримом будущем Ближний Восток будет способен позиционировать себя в роли одного из консолидированных полюсов формирующегося многополюсного мира, способного говорить одним голосом с другими полюсами и центрами влияния.

Быстро и порой непредсказуемо меняющаяся политическая конъюнктура также выступает фактором, затрудняющим выявление долгосрочной общерегиональной динамики. Например, очередная эскалация израильско-палестинского конфликта стала классическим «черным лебедем», спутавшим планы лидеров региона и заставившим их по-новому взглянуть на многие общерегиональные проблемы. Конечно, операция израильской армии в секторе Газа еще далека от завершения, и уверенно предсказать ее дальнейший ход, а тем более — ее конечные результаты на данный момент едва ли возможно. Тем не менее уже сегодня представляется очевидным, что война Израиля и ХАМАС, даже если в нее не окажутся вовлеченными сопредельные арабские государства и Иран, будет иметь масштабные и долгосрочные последствия не только для двух сторон конфликта, но и для всего ближневосточного региона. Одни из наблюдавшихся ранее тенденций развития региона получают дополнительный мощный импульс, другие, напротив, окажутся существенно ослабленными.

Тем не менее попытка подойти к Ближнему Востоку как к единой экосистеме, обобщить происходящие в регионе перемены и задуматься о его будущем, на наш взгляд, заслуживает внимания. Не забегая вперед и не предвосхищая анализ, содержащийся в отдельных главах доклада, попробуем сформулировать некоторые предварительные гипотезы относительно вероятных ближайших перспектив ближневосточного региона.

Прежде всего, существующие сегодня многочисленные расколы в арабском и ближневосточном мире сохраняются и в обозримом будущем. Эти расколы

имеют самые различные измерения: межгосударственные (определяющиеся объективными расхождениями национальных интересов отдельных стран региона), социальные (между руководством многих арабских стран и так называемой «арабской улицей»), внутриэлитные (между силовиками и технократами, между консерваторами и реформаторами, между центральными властями и властями регионов и т.д.). Трудно точно сказать, как именно эти расколы будут воздействовать на политические процессы в каждой отдельной ближневосточной стране, но есть основания предположить, что они окажутся дополнительным фактором внутренней нестабильности в разных точках региона и фактором, тормозящим социально-экономическую и политическую модернизацию Ближнего Востока в целом.

Также трудно предположить, что в ближайшие годы удастся преодолеть нынешний хронический кризис государственности в регионе. Этот кризис проявляется очень по-разному в различных странах Ближнего Востока, но от него не застрахованы не только традиционно хрупкие государства, прошедшие в последние годы и десятилетия через многолетние гражданские войны со значительным иностранным участием (Ирак, Ливан, Йемен, Ливия), но и относительно стабильные страны с устойчивыми политическими институтами (Израиль, Турция и даже консервативные арабские монархии Залива). А это, в свою очередь, означает, что в регионе будут по-прежнему сильны и активны негосударственные военно-политические игроки и соответствующие этим игрокам групповые идентичности. Нельзя исключать возрождения трайбализма, а также различных трансграничных движений радикального толка.

Именно такие движения, а не арабские государства — соседи Израиля, будут и дальше представлять главную угрозу для безопасности последнего. Даже если силам ЦАХАЛ удастся полностью разгромить ХАМАС — о чем пока было бы, как минимум, преждевременно утверждать с уверенностью, — на его место, несомненно, придут другие, не менее радикально настроенные фундаменталистские группировки. И если когда-то сохраняющаяся слабость арабских государств давала Израилю определенные преимущества перед лицом гораздо более крупных оппонентов, то теперь она превращается в одну из главных его проблем — у израильского руководства в регионе может просто не найтись ответственных партнеров по диалогу. Разумеется, политический радикализм бросает вызов не только Тель-Авиву, но и столицам самих арабских государств.

Последние события в регионе дают основания предположить, что фактор беженцев и вынужденных переселенцев по-прежнему сохранит свое значение в политической жизни Ближнего Востока. Как показывает продолжающееся на наших глазах ожесточенное израильско-палестинское противостояние, нерешенные проблемы беженцев не теряют своей актуальности на протяжении многих десятилетий, они передаются от одного поколения к другому и в любой момент способны привести к вспышке насилия. Помимо всего прочего, конфликт подтвердил наличие значительного потенциала

политической мобилизации, которым до сих пор располагают палестинские диаспоры в арабском (да и не только в арабском) мире. Не стоит забывать о том, что на Ближнем Востоке присутствуют далеко не только палестинские, но и сирийские, иракские, йеменские, афганские и иные группы беженцев. Все эти группы будут не только продолжать оказывать давление на социальную инфраструктуру принимающих стран, но и способствовать политической радикализации принимающих обществ в регионе и за его пределами.

Нынешний кризис неизбежно приведет к дальнейшему закреплению существующей деформации национальных приоритетов стран региона. В сложившихся условиях политические элиты как арабских, так и неарабских государств будут вынуждены отдавать проблемам безопасности безусловный приоритет по отношению ко всем другим вопросам национальной повестки дня. Не исключено не только дальнейшее увеличение оборонных бюджетов многих стран Ближнего Востока, но и усиление политических позиций военных и других силовых структур.

При этом многочисленные трудности развития — начиная от быстрого демографического роста и неконтролируемой урбанизации, и заканчивая широко распространенной коррупцией и социально-экономическим неравенством — никуда не денутся. Напротив, многие из них будут усугубляться под воздействием негативных последствий для региона со стороны общей военно-политической обстановки в мире, процессов глобального потепления, растущих дефицитов пресной воды и продовольствия. С другой стороны, возможности мобилизации внутренних ресурсов, необходимых для успешного решения фундаментальных задач развития, будут оставаться более чем ограниченными.

Соответственно, будет так или иначе усиливаться давление ближневосточного региона на внешний мир — как на ближайших, так и на более отдаленных соседей. К сожалению, можно со значительной долей уверенности предсказать, что Ближний Восток и далее будет одним из главных источников трансграничных потоков незаконных мигрантов, а также международного терроризма в самых различных его формах. При наихудшем сценарии хода военной операции Израиля в Газе (длительная операция с большими потерями среди гражданского населения) допустимо прогнозировать закреплению в общественном сознании стран региона представлений о мировой политике как о бесконечном противостоянии богатого «христианского» Запада и бедного «мусульманского» Востока — с соответствующими политическими последствиями для отношений стран Ближнего Востока с их западными партнерами. Существующие сегодня устойчивые стереотипы о лицемерии и двойных стандартах Запада, о безразличии западных стран к проблемам Ближнего Востока получают дальнейшее развитие.

Одновременно не вызывает сомнений и то, что политическая и экономическая роль ближневосточных диаспор в жизни многих стран, в первую очередь, европейских, будет расти. В силу того, что арабско-мусульманские сообщества гораздо многочисленнее и лучше организованы в Европе, чем в

США, нынешний кризис способен оказаться одним из факторов, подрывающих единство Запада. Тем более, что первые линии расхождения в трансатлантических отношениях и по израильско-палестинскому конфликту, и по другим фундаментальным проблемам ближневосточного региона уже наметились. Этим расхождениям способствует и то обстоятельство, что в силу объективных причин значение Ближнего Востока для Европейского союза существенно выше, чем для Соединенных Штатов.

Хотя нынешний кризис и может иметь одним из своих следствий кратковременный скачок мировых цен на нефть и газ, этот традиционный рычаг влияния стран Ближнего Востока на мировую экономику и политику едва ли окажется эффективным как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе. Повторить сценарий «нефтяного эмбарго» 1973 г. в любом случае не получится в силу того, что география мировых энергетических рынков за последние полвека принципиально изменилась, а также в силу того, что внутри ОПЕК вряд ли удастся добиться того уровня единства, которое организация смогла продемонстрировать в 1973 г. В дальнейшем же политические и экономические возможности стран региона, связанные с экспортом ближневосточных углеводородов, будут еще больше снижаться по мере продвижения западных стран, Китая и Индии по пути «энергетического перехода». Это продвижение, пусть медленное и не всегда последовательное, неизбежно будет ставить вопрос о новом месте ближневосточных экспортеров углеводородов в международном разделении труда.

Нынешний кризис наглядно продемонстрировал неудачу долгосрочной стратегии Вашингтона, имевшей своей целью задвинуть палестинскую проблему на задний план региональной политики, подменив ее задачей создания единого фронта Израиля и ведущих арабских стран Залива в противостоянии с Исламской Республикой Иран (ИРИ). Конечно, со стороны США будут продолжаться настойчивые попытки вернуть регион к «Соглашениям Авраама», но конфликт показал, что полностью убрать израильско-арабское измерение из ближневосточной политики, механически заменив его арабо-иранским, не получится. Сближение Израиля с арабскими монархиями Залива, хотя имеет под собой много объективных интересов сторон, неизбежно замедлится, а в чем-то даже будет обращено вспять. Это значит, что Вашингтону придется заново доказывать свое право на роль «незаменимого» внешнего игрока в регионе — при том, что стратегическая вовлеченность США в европейские и восточноазиатские дела будет, несомненно, мешать американским стратегам сосредоточиться на Ближнем Востоке.

Безусловно, происходящие в Газе и вокруг нее события создают новые проблемы в первую очередь для администрации Джозефа Байдена в США, которая, заявив о своей безусловной поддержке Израиля, тем не менее вынуждена предостерегать его от избыточного применения военной силы. Попытки проведения сбалансированной линии в разворачивающемся конфликте неизбежно провоцируют внутреннюю критику — как слева, от американских приверженцев Палестины, так и справа — от сторонников более энергичной поддержки израильского союзника Америки. При неблагопри-

ятном стечении обстоятельств нынешний кризис может стоить демократам победы на президентских выборах 2024 г. Но любая новая администрация неизбежно столкнется с фактом отсутствия национального консенсуса внутри США по вопросам урегулирования палестино-израильского конфликта.

Общая сложная геополитическая ситуация в мире будет неизбежно накладывать дополнительный негативный фон на происходящие в регионе события. Возможности возобновления работы «ближневосточного квартета» или иного репрезентативного многостороннего механизма по израильско-палестинскому урегулированию в нынешних условиях близки к нулю. Не слишком обнадеживающими выглядят и перспективы формирования системы коллективной безопасности в регионе или даже ограниченной системы мер укрепления доверия в зоне Залива. Равным образом, отсутствуют и надежды на согласование в рамках Совета Безопасности ООН новых решений по Сирии или по Палестине, как это показал опыт обсуждения российского и бразильского проектов резолюций по ситуации в Газе, а также неудачные попытки продлить срок действия механизма трансграничной доставки гумпомощи в Сирию летом 2023 г.

Скорее всего, Совет безопасности ООН, как, впрочем, и Генеральная Ассамблея, так и останется площадкой острой информационно-пропагандистской борьбы великих держав, а ближневосточный регион сохранит свое место как арена геополитического соперничества этих держав. Хотя большой войны в регионе никто не хочет, идти на принципиальные уступки своим геополитическим соперникам тоже никто не готов. Нетрудно заключить, что данное обстоятельство окажет осложняющее воздействие на и без того сложную динамику внутрирегиональных политических процессов.

Конечно, нельзя полностью исключить и того, что нынешний острый кризис неожиданно породит какие-то принципиально новые возможности стабилизации положения в регионе. Например, война в Газе могла бы ускорить предстоящую смену поколений в политических элитах Израиля и Палестины. Уход с политической сцены Биньямина Нетаньяху (которому в октябре 2023 г. исполнилось 74 года) и Махмуда Аббаса (который весной 2024 г. будет отмечать свое 89-летие) может придать новый импульс старым планам создания независимого палестинского государства.

С другой стороны, улучшение отношений между Ираном и Саудовской Аравией могло бы стать фактором, способствующим сдержанности ливанской «Хезболлы» и других ориентирующихся на Иран арабских группировок в нынешнем конфликте. Определенное позитивное, пусть и косвенное воздействие на ситуацию в Палестине могли бы иметь успехи усилий по национальному примирению в других точках арабского мира, например, в Йемене или в Ливии. Однако большинство новых факторов, которые могут проявиться в регионе в ближайшем будущем, окажутся, скорее всего, дополнительными обременениями, а не принципиально новыми возможностями для израильско-палестинского урегулирования, а тем более — для консолидации ближневосточного региона в целом.

В любом случае, активная, широкая и крайне эмоциональная реакция мирового сообщества на происходящие сегодня на территории Ближнего Востока события показывает, что ближневосточные противоречия и конфликты, как и несколько десятилетий назад, остаются комплексной международной проблемой, причем проблемой не только регионального, но и глобального уровня. Соответственно, и решения этой проблемы должны быть глобальными, а не только региональными. Хотя на данный момент таких глобальных решений не просматривается, это совсем не означает, что их не надо искать. Представленный вниманию читателя доклад РСМД — попытка внести скромный вклад в эти поиски.

Глава 1. Арабский мир: тенденции внутриполитического развития

Кузнецов В.А.

Двенадцать лет назад, в 2011 г., когда на Ближнем Востоке начали происходить события, с чьей-то легкой руки названные «арабской весной» — в память то ли о «Пражской весне» 1968 г., то ли о «Весне народов» 1848–1849 гг., их часто характеризовали как «тектонический сдвиг» в регионе¹. И хотя многие демократические иллюзии с тех пор успели развеяться, начавшийся трансформационный процесс продолжался. Писавшие о нем в то время авторы предрекали, ориентируясь на опыт формирования региональной системы отношений в 1950–1960-е гг., что процесс этот займет порядка 15–20 лет², пока в регионе не будет достигнут новый эквilibrium, как на уровне международных отношений, так и на уровне отдельных политических систем.

При этом, и в том, и в другом случае, что именно подразумевалось (и все еще подразумевается) под эквilibriumом не совсем ясно — ведь на каждом из уровней речь может идти, по меньшей мере, о двух вариантах. На международном — о балансе сил (но тогда возникает вопрос о том, должен ли он учитывать (и в какой мере) лишь региональные государства или также присутствующих на Ближнем Востоке внерегиональных и негосударственных акторов) или о балансе интересов (и тогда, помимо вопроса о составе участников, появляется и вопрос определения их интересов, зависимости этих интересов от взглядов конкретных политических групп, механизмах согласования интересов). В то же время на уровне политических систем также речь идет о двух альтернативах — балансе сил между различными общественными и/или элитными группами (и тогда возникают вопросы о том, как институционализируются эти группы, насколько они устойчивы, как обеспечивается связь между элитами и их социальной базой) или же о балансе между общественным запросом и реакцией на него со стороны системы (то, что в классической схеме политической системы Д. Истона называется *input and output*³).

Если предрекавшие формирование новых балансов эксперты были правы, то сейчас, спустя дюжину лет после начала «эпохи перемен», настало как раз то время, когда их основные контуры должны обрисовываться.

Впрочем, несмотря на то, что последние два года, действительно, отмечается некоторое снижение интенсивности трансформационных процессов в регионе, есть отчетливое ощущение, что до достижения точки новой стабильности еще очень далеко.

¹ Труевцев К.М. «Арабская весна» — ход, акторы, технологии и промежуточные итоги // Полития. 2012. № 1 (64). С. 21–32.

² Стегний П. Будущее Большого Ближнего Востока // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-bolshogo-blizhnego-vostoka/>

³ Истон Д. Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 5. С. 17–37.

Чтобы описать текущую динамику внутривнутриполитического развития арабских стран региона, имеет смысл выделить, во-первых, определяющие это развитие постоянно действующие факторы (глобальные, региональные и страновые), а во-вторых, отметить наиболее существенные из уже произошедших в последнее время изменений.

Факторы перемен: глобальные, региональные, страновые

По сравнению с ситуацией 2010-х гг. наиболее значимое изменение произошло, конечно, не в страновых или региональных, а в глобальных факторах, воздействующих на ситуацию на Ближнем Востоке.

В политической сфере ключевым из них становится все еще идущее по восходящей траектории противостояние России и западных государств; в экономической речь идет о тенденциях к деглобализации мировой экономики⁴, об изменении транспортных и логистических цепочек⁵; в социальной — о сохраняющемся конфликте между «верхами» и «низами»⁶, последними свидетельствами которого стали масштабные беспорядки во Франции в июле 2023 г.; а в культурно-ценностном — об актуализации дискуссии о цивилизационных ценностях, с которыми связаны и представления о формирующейся полицентричности миропорядка.

Ни один из этих факторов, во многом определяющих современное состояние мира, не возник внезапно. Каждый из них в той или иной степени проявлялся уже во времена «арабской весны». Так, именно в связи с событиями «арабской весны» ярко проявило себя получившее в последующее десятилетие бурное развитие принципиальное расхождение российских и западных подходов к проблеме смены политических режимов. Именно вмешательство НАТО в ситуацию в Ливии стало с тех пор хрестоматийным для российских элит примером безответственности западного подхода. Тогда же по миру прокатилась волна антиправительственных протестов, высветившая устойчивое недоверие к элитам, причем не только в ближневосточных, но и в западных обществах. Рост популярности популистских лидеров, ультраправых и ультралевых движений в последующее десятилетие стал результатом этого недоверия, преодолеть которое до сих пор, кажется, нигде и никому не удалось. Наконец, именно тогда обозначилась проблема стратегий развития человечества и были поставлены многие важные вопросы ценностного характера (достаточно вспомнить многочисленные дискуссии о соотношении свободы слова и уважения к сакральному).

Наращивая свое влияние на протяжении следующего десятилетия, все эти тенденции мирового развития, казалось, отступили на второй план на фоне

⁴ Goldberg P., Reed T. Is the Global Economy Deglobalizing? // The Brookings Institution, 2023. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2023/03/BPEA_Spring2023_Goldberg-Reed_unembargoed.pdf

⁵ Наумкин В., Кузнецов В. Ближний Восток и будущее полицентричного мира // Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай». Февраль 2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/44102/>

⁶ Ortiz I., Burke S., Berrada M., Cortés H. S. World Protests. Friedrich-Ebert-Stiftung New York; Initiative for Policy Dialogue // Global Social Justice. 2022. URL: <https://web.archive.org/web/20230710140557/https://library.fes.de/pdf-files/bueros/usa/19020.pdf>

пандемии, борьба с которой привела к временной консолидации обществ и повышению их доверия к государственным институтам — в сущности, единственному источнику безопасности на тот момент. Однако после окончания пандемии выяснилось, что ни одна из глобальных проблем не решена, а ухудшение экономической ситуации лишь способствует более радикальным проявлениям накопившихся противоречий.

На внутривнутриполитической арене ближневосточных государств эти факторы глобального развития проявляются по-разному, однако лишь в редких случаях они напрямую воздействуют на внутривнутриполитическую ситуацию. Противостояние России и Запада может заставлять элиты корректировать внешнюю политику, а изменения в мировой экономике, разумеется, сказываются на внутривнутриэкономической ситуации в странах региона, однако проецирование и того, и другого в область внутренней политики нелинейно.

Более значимым влиянием на внутривнутриполитическое развитие государств Ближнего Востока и Северной Африки обладают специфические региональные факторы, которые, впрочем, остаются неизменными: существование нескольких субрегионов, пути развития которых постепенно расходятся; наличие существенных и все усиливающихся ресурсных дисбалансов; постоянно действующая многоукладность, характер которой по мере развития модернизационных процессов меняется; значимая роль культурно-ценностных и идеологических внутривнутрирегиональных связей, частично компенсирующих низкую экономическую связанность региона⁷. Все это — постоянные характеристики Ближнего Востока и Северной Африки, непосредственно влияющие на политическое развитие отдельных государств, однако в последнее десятилетие их воздействие на внутривнутриполитические и региональные процессы усилилось.

Прежде всего, на фоне истощенности постколониальной модели мироустройства наметилось все большее расхождение между четырьмя основными субрегионами арабского мира — Магрибом, Долиной Нила, Аравийским полуостровом и «Благодатным полумесяцем»⁸. Это расхождение касается как внешнеполитических и внешнеэкономических связей государств каждого из субрегионов, так и моделей их политического развития.

Ресурсные дисбалансы, под которыми ранее, главным образом, понималось неравномерное распределение полезных ископаемых, на сегодняшний день подразумевают, прежде всего, проблему воды, отсутствие доступа к которой становится важнейшим фактором конфликтности. Напрямую с этим связан и вопрос о продовольственной безопасности в регионе — это стало особенно очевидным в контексте связанных с глобальными поставками зерна событий 2022–2023 гг.

⁷ Барановский В., Наумкин В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 15.
URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/03_2018/0005_0019_BARANOVSKY_ID15396.pdf

⁸ «Благодатный полумесяц» — субрегион Ближнего Востока, который охватывает территорию Ирака, Сирии, Ливана, Палестины и Иордании.

Многоукладность, всегда считавшаяся одной из отличительных черт ближневосточных обществ, усилила свое влияние вследствие двух параллельных процессов — с одной стороны, продолжающейся модернизации, в ходе которой формируются и укрепляются новые социальные слои, отсутствующие в аграрных и индустриальных обществах (так называемый креативный класс), а с другой стороны — частичной архаизации социальных отношений в условиях конфликтности и ослабления государственных институтов.

Наконец, неизменно важной остается роль культурно-ценностных внутрирегиональных связей — на протяжении последней дюжины лет мы наблюдали соперничество различных концепций политического ислама, арабизма, страновых национализмов и др.

На уровне отдельных государств сохраняются такие фундаментальные особенности как гибридность политических систем, в которых сочетаются элементы современных и традиционных институтов политической власти, недостаточность диверсифицированности экономик и низкая региональная связанность, продолжающаяся урбанизация и разные ценностно-культурные ориентации различных слоев общества.

Все эти многообразные факторы определяют специфику политического развития арабских государств Ближнего Востока и уже произошедшие в регионе серьезные изменения, которые, по всей видимости, будут влиять на формирование новых трендов политического развития.

Свершившиеся перемены и новые тренды

Наиболее значимое из всех изменений (если говорить только о последнем годе–двух) — региональный детант, включающий в себя нормализацию отношений между Ираном и Саудовской Аравией, урегулирование катарского кризиса, возвращение Сирии в Лигу арабских государств (ЛАГ), а также некие подвижки в турецко-египетских и турецко-эмиратских отношениях. Значимость всех этих замечательных перемен, впрочем, не стоит абсолютизировать — ни о каком всеобщем примирении речи не идет — не только сохраняются, но и усиливаются угрозы, связанные с конфликтностью на ирано-израильском треке, а в Магрибе медленно, но непрестанно усиливается алжиро–марокканская напряженность. Как показали драматичные события осени 2023 г., историческая нерешенность палестинской проблемы, ее маргинализация в региональной повестке дня оказались важнейшими факторами новой региональной эскалации. Очевидно, пока еще рано говорить о том, обретет ли эта новая эскалация региональный размах или останется ограниченной, однако хрупкость региональной ситуации очевидна.

Несмотря на это и не касаясь международных последствий развивавшегося в 2020–2023 гг. детанта, имеет смысл рассмотреть его внутривнутриполитические следствия.

Прежде всего, он ведет к снижению активности ключевых государств региона в конфликтах и уменьшению поддержки дружественных им сил,

выполнявших роль прокси. Позитивное последствие очевидно — формируются условия для деэскалации конфликтов, что мы наблюдаем, например, в случае с Йеменом. В то же время сохранение внутренних причин конфликтов не позволяет прогнозировать их окончательное урегулирование. Более того — формируются условия для их новой эскалации спустя какое-то время. Конечно, лишаясь внешней поддержки, разнообразные прокси могут оказаться вынужденными снизить свою активность, однако проблема в том, что ни одна из такого рода сил не является только лишь прокси — все они возникали на той или иной социально-политической почве, обладают собственной легитимностью, социальной базой, военно-политическими, экономическими и идеологическими ресурсами. Яркими примерами могут служить движения «Ансаралла» в Йемене и «Хезболла» в Ливане, милиции Триполитании и Киренаики и др. Кроме того, снижение поддержки дружественных негосударственных акторов в целом ряде случаев требует пересмотра основ внешнеполитической идентичности государств региона. Если в случае с Саудовской Аравией такой пересмотр и был заявлен Мухаммедом бен Сальманом, настаивающим на ревизии религиозной политики государства, то в иранском случае этого не произошло. Наконец, важным фактором, заставляющим предполагать возможное возобновление острой фазы конфликтов, становится то, что вместо решения коренных проблем, приведших к их возникновению, сложившаяся ситуация лишь влечет за собой возникновение новых узлов социальных, политических и экономических противоречий в каждом из случаев. Катастрофические гуманитарные условия жизни в Йемене, глубочайший экономический кризис в Сирии, отсутствие внятных перспектив политического процесса в Ливии, формирование целого поколения молодежи, прошедшей социализацию в условиях конфликта и наличие огромного количества оружия на руках у населения в отсутствие сильной власти заставляют смотреть на ситуацию с изрядной долей пессимизма.

Кроме того, повышение внешнеполитической ответственности одних государств региона, снижение авантюризма и эмоциональности, осознание ими «красных линий» не означают невозможности новых проявлений внешнеполитического авантюризма со стороны других стран. Наконец, остается открытым вопрос о причинах произошедшей деэскалации, а следовательно, и о ее стабильности.

Реакция региональных акторов на события в секторе Газа в октябре — ноябре 2023 г. представляется здесь довольно показательной.

Большинство государств региона, включая такого непримиримого противника Израиля как Иран, продемонстрировало высокую степень прагматичности и способность к сдержанности. Некоторые государства — как, например, Алжир или Ирак — ужесточили антиизраильскую риторику, другие — как Турция — попытались использовать сложившуюся ситуацию, чтобы еще раз заявить о своем стремлении быть лидером исламского мира.

Вместе с тем, сам Израиль, обычно считавшийся весьма прагматичным игроком, ответив на нападение ХАМАС непропорциональным применением

силы, прежде всего, против мирного населения сектора Газа, и не имея никакой реалистичной стратегической программы по дальнейшему управлению Газой, с точки зрения международных отношений проявил внешнеполитический авантюризм. В то же время если посмотреть на его поведение «изнутри», а не «извне», то оно окажется не только не авантюрным, но едва ли не единственно возможным — оно диктовалось требованиями общества.

Другим ярким примером воздействия этого конфликта представляется поведение негосударственных акторов. Парадокс ситуации в том, что едва ли не самые активные игроки такого рода, зачастую рассматривающиеся как прокси крупных региональных держав — ХАМАС, «Хезболла», «Ансаралла» — ведут себя вовсе не как прокси, а как вполне самостоятельные акторы, преследующие собственные интересы.

Если, спустившись на уровень ниже, посмотреть, что происходит с политическими системами и режимами, то ситуация окажется еще более интересной.

Приход к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси в Египте, Кайса Саида в Тунисе, Абдельмаджида Теббуна в Алжире, сохранение у власти Башара Асада в Сирии ставят вопрос о феномене «нового авторитаризма» в регионе. Проблема, однако в том, что сама по себе дихотомия демократии/авторитаризма не позволяет описать сложную политическую реальность — в сущности, она лишь говорит о том, что намечавшиеся в 2011 г. процессы демократического транзита не увенчались успехом. Впрочем, нельзя не отметить, что в отличие от ситуации в Южной или в Центрально-Восточной Европе несколькими десятилетиями ранее или в Западной Европе еще раньше, на Ближнем Востоке и в Северной Африке эти демократические транзиты никогда не подкреплялись достаточной экономической, политической или институциональной поддержкой со стороны внешних сил. Не было никакого плана Маршалла, как не было и перспектив вступить в «семью европейских народов». Более того, довольно быстро часть внешних акторов, по всей видимости, пришла к убеждению, что проще иметь дело с пусть и не демократическими, но консолидированными режимами, чем со слабыми и неконсолидированными демократиями. В результате сложилась парадоксальная ситуация, при которой процессы, внешне похожие на те, что ранее прошли в западном мире, на Ближнем Востоке приобретали прямо противоположный смысл. В Европе демократизация несла с собой экономический прогресс и процветание, укрепление общественной безопасности и повышение легитимности политических элит. На Ближнем Востоке и в Северной Африке она оборачивалась экономическим неустойчивым, поляризацией общества, снижением управляемости, ухудшением государственного администрирования и — в результате — снижением легитимности не только действующей власти, но и самих демократических институтов в глазах общества. Свидетельство последнему — сверхнизкая явка на выборах и референдумах в Алжире и Тунисе в последние годы, общее снижение привлекательности политических партий в арабских странах.

Укрепление авторитарных тенденций в управлении рядом государств, конечно, стало ответом на все эти вызовы, причем этот ответ был дан в тех республиках, в которых еще до 2011 г. сложились мощные аппараты государственной власти — в Египте, Тунисе, Алжире и Сирии. В тех же странах, где этого не произошло, как в Ливане, Ливии или Судане, или там, где эти аппараты были демонтированы ранее, как в Ираке, хаотизация политического процесса не только сохранилась, но и усилилась.

Такой ответ на вызовы нестабильности означает, в сущности, изменение базовых условий общественного договора. Если правившие в Тунисе, Египте и Сирии до 2011 г. режимы основывались на обмене политических прав и свобод на экономический прогресс и модернизацию, то те, что пришли к власти в последние годы, прежде всего предлагают своим обществам безопасность, обеспечение которой и становится главным источником доверия к ним. Отсюда значимость противостояния террористической угрозе для властей Египта в первые годы правления Абдель Фаттах ас-Сиси и властей Сирии на протяжении всего текущего конфликта, отсюда же — алжирские обвинения Рабата в поддержке исламистских радикалов и автономистов Кабилии, равно как и массовое уголовное преследование сторонников партии «Ан-Нахда» в Тунисе.

Проблема с такого рода общественным договором очевидна — его соблюдение требует постоянной мобилизации общества, а если она исчезает, то договор может быть пересмотрен. Характерно, что в Египте, где такой договор установился раньше, чем в других странах, к настоящему времени просматривается тенденция замены его другим, более или менее соответствующим тому, что действовал во времена Хосни Мубарака и его предшественников. Об этом свидетельствует запущенный президентом в 2022 г. национальный диалог с оппозицией (за исключением, конечно, «Братьев-мусульман»)⁹, особое внимание к стратегическим мегапроектам и, наконец, наименее значимое, но очень яркое свидетельство — постоянно встречающийся на улицах Каира лозунг: «Строительство современного Египта — наша общая цель». При том, что все эти свидетельства неоднозначны¹⁰, само их наличие указывает на возможные перемены. В Сирии, по мере снижения военной угрозы со стороны вооруженной оппозиции и террористических группировок, на первый план выходят вопросы реинтеграции неподконтрольных Дамаску территорий страны (отсюда — периодически появляющаяся информация о переговорах с курдами и с Турцией), а также преодоление глубочайшего экономического кризиса. В Алжире и Тунисе, где рассматриваемые политические режимы установились лишь в 2019 г., угрозы безопасности проявляют себя не столь остро. Тем не менее, характерно, что Абдельмаджид Теббун сразу, придя к власти и столкнувшись с высоким уровнем недоверия общества (все выборы и референдумы

⁹ The National Dialogue // Presidency of the Arab Republic of Egypt.
URL: <https://www.presidency.eg/en/الرفقة/الحوار-الوطني/>

¹⁰ Al-Anani K. Egypt's National Dialogue: A Lost Opportunity for National Salvage // Arab Center Washington DC. 07.07.2023.
URL: <https://arabcenterdc.org/resource/egypts-national-dialogue-a-lost-opportunity-for-national-salvage/>

2019–2023 гг. демонстрировали очень низкую явку избирателей и огромный процент испорченных бюллетеней¹¹), стал активно использовать для консолидации общества внешнеполитическую повестку дня, в том числе традиционный мотив соперничества с Марокко, западносахарскую проблему, израильскую угрозу (особенно острую на фоне марокканско-израильского сближения) и французский фактор. В то же время в Тунисе Кайс Саид столь же активно борется не только с «Ан-Нахдой», но и с различными агентами иностранного влияния (только за 2022 г. было разоблачено несколько заговоров¹²) и нелегальными мигрантами¹³.

Впрочем, во многих иных отношениях рассматриваемые режимы серьезным образом между собой различаются. Это особенно ясно, если посмотреть на них с точки зрения вышеупомянутых внутривнутриполитических балансов. В Сирии, несмотря на изменение конституции в 2012 г., кооптации альтернативных элитных групп в политическую систему не произошло. В Египте, после отстранения от власти «Братьев-мусульман» некоторая часть сил, кооптированных в систему в 2011 г., все же сумела сохранить в ней свои позиции. Кроме того, чтобы расширить кадровую базу, обновить состав бюрократии и создать новые лифты для активной молодежи, правительство запустило несколько проектов пополнения кадрового потенциала. В Алжире на политической арене представлены, в целом, те же силы, что и до 2019 г., а протестное движение «Хирак» оказалось неспособно к политической институционализации. Наконец, в Тунисе состав политических элит обновился после 2011 г. весьма существенно — даже несмотря на отстранение от власти «Ан-Нахды» и ее союзников речи о возвращении к партийно-политической конфигурации времен Зин аль-Абидина Бен Али не идет.

При этом во всех четырех случаях можно наблюдать общее снижение значимости политических партий и технократической бюрократии в государственном аппарате. По мере того, как основной услугой, предоставляемой государством обществу, становилась безопасность, ключевыми акторами оказывались именно агенты легитимного насилия. Эта тенденция наблюдается в трех из четырех рассматриваемых случаях. В Тунисе же, где, по крайней мере, внешне она не определяется, консолидация общества осуществляется за счет политического популизма президента, противопоставляющего поддержку широких масс явному недоверию со стороны общественных элит. При том, что значимая роль силовых структур во всех этих странах существовала и ранее, до 2011 г. она все же всегда была сбалансирована правящими политическими партиями, в сущности, выполняв-

¹¹ Кузнецов В.А. Алжир: политическое участие в условиях трансформации режима после 2019 года // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 209-219. URL: <https://nni.jes.su/S013038640021357-0-1>

¹² Судани С. Тунис. Заговор против госбезопасности: защита разоблачает «пустые дела» (на франц.: Tunisie. Complot contre la sûreté de l'Etat: la défense dénonce «des dossiers vides») // Le Courrier de l'atlas. 28.02.2023. URL: <https://www.lecourrierdelatlas.com/tunisie-complot-contre-la-surete-de-letat-la-defense-denonce-des-dossiers-vides/>

¹³ Гейссер В. Тунис: «охота на мигрантов из стран южнее Сахары открыта» (на франц.: Tunisie, « la chasse aux migrants subsahariens est ouverte ») // Caim Info. URL: <https://www.caim.info/revue-migrations-societe-2023-1-page-7.htm>

шими роль основных механизмов общественной консолидации (и в этом плане имевших мало общего с политическими партиями Западной Европы). Характерно в этом отношении, что в правящей партии Туниса времен Зин аль-Абидина Бен Али состояло четверть населения страны, в Алжире Фронт национального освобождения сохранял за собой монополию на память о борьбе против колониализма, в Сирии исключительная роль партии «Баас» была закреплена конституционно и т.д. Многопартийность, которая более (как в Тунисе и Сирии) или менее (как в Алжире) формально существовала и ранее вроде бы должна была в условиях трансформации стать альтернативным механизмом балансирования как интересов различных общественно-политических групп, так и общественных требований и решений, принимаемых политической системой. Этого, однако, не произошло — во всех четырех случаях (Египет, Тунис, Сирия, Алжир) политические партии не представляются сегодня серьезными и самостоятельными политическими силами, пользующимися значительным общественным доверием. Несмотря на то, что частично сложившийся функциональный дефицит компенсируется возросшей ролью политических лидеров, последним, по всей видимости, придется в обозримом будущем прикладывать усилия и для создания каких-то новых механизмов.

Если обратиться к монархиям региона, то в них наблюдаются несколько иные тенденции развития.

Пожалуй, только в Бахрейне, оказавшемся в 2011 г. затронутым событиями «арабской весны» не меньше, чем арабские республики, политическая трансформация идет по схожему сценарию. Проходивший в начале 2010-х гг. национальный диалог был быстро свернут, наиболее активные оппозиционные движения (прежде всего, «Аль-Вифак») оказались запрещены, а на парламентских выборах 2022 г. оппозиции и вовсе не нашлось места¹⁴. При этом, насколько можно судить, изменилась и конфигурация сил внутри правящей элиты. Равновесная модель «ястребов», ассоциировавшихся с дядей короля и премьер-министром Халифой бен Сальман Аль Халифой, и «голубей», образ которых был связан с наследным принцем Сальманом бен Хамад Аль Халифой, была нарушена и, как и в рассмотренных республиках, наметился курс к консолидации власти¹⁵. Параллельно с этим, впрочем, усилилась зависимость королевства от Саудовской Аравии, вооруженные силы которой сыграли ключевую роль в подавлении протестов 2011 г.

Роднит бахрейнскую ситуацию с рассмотренными республиками и то, что, если на протяжении 2010-х гг. ключевым мотивом государственной политики оставалась защита от иранской угрозы, то в 2020-е гг. возросла

¹⁴ "The Entire Political Process is Fraudulent": A Legal and Political Study of the 2022 Parliamentary Elections in Bahrain // Bahrain Institute for Rights & Democracy. November 2022.
URL: <https://birdbh.org/wp-content/uploads/2022/11/The-Entire-Political-Process-is-Fraudulent-A-Legal-and-Political-Study-of-the-2022-Parliamentary-Elections-in-Bahrain-©BIRD.pdf>

¹⁵ Nakhleh E. Could Bahrain's new prime minister chart a new path toward reform? // Quincy Institute for Responsible Statecraft. 19.11.2020.
URL: <https://responsiblestatecraft.org/2020/11/19/could-bahrains-new-prime-minister-chart-a-new-path-toward-reform/>

необходимость в дополнении ее новыми перспективами социально-экономического прогресса. Здесь королевство пошло по тому же пути, что и иные монархии Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), сделав ставку на амбициозные стратегии национального развития¹⁶.

В других государствах ССАГПЗ ситуация складывалась несколько иначе. В большинстве из них потребность в повышении устойчивости системы решается, с одной стороны, через совершенствование механизмов управления (и здесь важную роль играют технологии цифровизации). С другой стороны, эта проблема решается через консолидацию и мобилизацию обществ вокруг реализации впечатляющих стратегических проектов, в рамках которых именно государство, воплощенное в конкретных лидерах, становится главным модернизатором и прогрессором. Ярчайшие примеры такого развития дают ОАЭ и Катар. Подобный подход, в принципе, позволяет уйти от проблемы поиска новых балансов сил между теми или иными элитными группами. Исключение составляют Кувейт и Саудовская Аравия. В первом случае наличие довольно развитых общественно-политических организаций, наличие специфической политической культуры, в формировании которой сыграли решающую роль события 1990–1991 гг., необходимость справляться с выраженным протестом части общества и т.д. заставляют лидеров искать новые балансы, обращаясь к инструментам парламентаризма¹⁷. Во втором же случае в отсутствии таких инструментов и развитых политических организаций, но при наличии резко усложнившейся за последние 20–30 лет социальной системы (демографический рост, урбанизация, формирование среднего класса и т.д.) поиск новых балансов осуществляется через внутриэлитную трансформацию, в рамках которой концентрирующая власть элитная группа во главе с наследным принцем Мухаммедом бен Сальманом опирается на модернизированные слои городского населения.

Обобщая, можно отметить, что процесс трансформации политических систем, начавшийся в начале 2010-х гг., сегодня еще далек от завершения во всех арабских странах региона. При этом, если в начале 2010-х гг. складывалось впечатление, что ключевой проблемой здесь является кооптация тех или иных групп в политическую систему и в целом ее обновление, то сегодня ситуация видится более сложной.

В конце концов, и то, и другое произошло — составлявшие ключевую оппозиционную силу исламистские партии и движения в той или иной степени представлены в политических элитах большинства арабских стран региона (за исключением Сирии и некоторых монархий Залива), а в целом ряде этих стран произошла вполне естественная внутриэлитная смена поколений. Однако все это не решает две ключевые проблемы — несоответствия

¹⁶ Наш Бахрейн. Национальный план по укреплению национальной принадлежности и консолидации гражданских ценностей (на араб.: الخطة الوطنية لتعزيز الإلتفاء الوطني وترسيخ قيم المواطنة // Bahrainouna. URL: <https://web.archive.org/web/20230608074643/https://www.bahrainouna.com/>

¹⁷ Мелкумян Е. С. Кувейт: внутриполитическая ситуация после Арабской весны // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 74–84. URL: <https://vostokoriens.jes.su/S086919080015049-0-1>

политической архитектуры и изменившейся социальной структуры, с одной стороны, и институциональной слабости политической системы (а следовательно, ее низкой адаптивности к меняющимся социальным условиям), с другой. При этом изменения, происходящие в социальных структурах рассматриваемых обществ, неоднозначны. При том, что продолжающиеся процессы урбанизации (или псевдоурбанизации в некоторых случаях) естественным образом влекут за собой модернизацию обществ, характер этой последней различен.

В государствах, переживающих военно-политические конфликты или глубокие экономические кризисы, а к ним, помимо привычных Палестины, Ирака, Сирии, Ливии и Йемена, относятся такие страны как Тунис, Египет и Ливан, средний класс фактически исчезает, происходит массовое обеднение населения, в наиболее хрупких государствах сопровождающееся утратой монополии государства на легитимное насилие и ростом дисфункциональности институтов. Это, в свою очередь, означает объективный рост социальной напряженности и высокую вероятность политической радикализации. Описанные выше рецепты, к которым системы прибегают сегодня, кажутся в той или иной степени паллиативными. Их эффективность может быть обеспечена, вероятно, привлечением более значимых ресурсов, что позволило бы элитам хотя бы частично вернуться к старой формуле общественного договора, предложив обществам ускоренное развитие. Однако, во-первых, источники этих ресурсов неочевидны, а во-вторых, даже привлечение этих ресурсов не решит само по себе проблему институтов. Последняя же, по всей видимости, не может решаться ни через воссоздание ранее демонтированных или ослабленных партийных структур, поскольку последние были эффективны в иной социальной среде; ни через прямое копирование западного опыта.

Во внешне благополучно развивающихся монархиях Залива схожие модернизационные процессы влекут совсем иные последствия. В то время как в «проблемных» странах мы сталкиваемся с вымыванием среднего класса, в странах ССАГПЗ (прежде всего, в Саудовской Аравии) он, напротив, активно формируется, что, в свою очередь, не может не вести к кризису племенных институтов. А поскольку именно они лежат в основе организации политической власти этих стран, то и характер последней должен меняться. И здесь оказывается, что, несмотря на принципиально разные условия развития, проблема институтов остается, хоть и не столь острой, но не менее серьезной, чем в республиках.

Таким образом, и монархии, и республики сталкиваются с необходимостью поиска новых моделей государственного устройства, причем поиск этих моделей усложняется невозможностью идти по привычному пути догоняющего развития.

Глава 2. Экономические тенденции в арабских странах

Яковлев А.И.

Общерегиональные проблемы и перспективы

Мировой кризис переходности

В третьем десятилетии XXI в. мировое международно-политическое и экономическое пространство претерпевает существенные изменения: оно перестраивается и перенастраивается. Мир в целом переживает переход от одной эпохи к другой, от одного порядка к другому.

Поставлены под сомнение сформировавшиеся к концу XX в. фундаментальные принципы организации систем международных отношений: лидерство Запада, деление на развитый центр — «Север» и отсталую периферию — «Юг». «Важнейшим мегатрендом глобальной политики остается формирование нового мирового порядка», — констатировал российский востоковед и специалист по международным отношениям А.Д. Богатуров¹⁸. Однако в этом процессе трансформации происходит противоречивое возрастание общности интересов отдельных государств и усиление их конкуренции за обретение более выгодных позиций в формирующемся новом мировом порядке.

Запад теряет абсолютное господство в международной экономической жизни и способность действовать как единый субъект. Политика «долларового кнута» и «большой дубинки» еще действует, но потеряла универсальность. Рядом с Западом в качестве новых центров мировой системы встают страны Востока. Экономический рывок этих стран, сопровождаемый самостоятельным курсом в политике Китая, Индии, арабских государств, Турции, а также России, знаменует смещение «центра тяжести» мировой политики на Восток.

Процесс полицентризации мира влечет за собой перераспределение мирового баланса сил в политике и экономике, необратимое обновление всех составляющих глобальной системы. Заново формируются региональные и субрегиональные центры силы и влияния внутри отдельных регионов по экономическим, а также социальным, этноконфессиональным и военно-политическим показателям.

Важными участниками этих процессов переходности (в качестве объекта и субъекта) являются арабские страны Северной Африки и Ближнего Востока. Помимо географического положения, религии и истории их объединяет стремление к достижению более справедливого и выгодного для них мирового порядка и необходимость противостоять опасным вызовам: экономическим проблемам, терроризму, дефициту водных ресурсов, а в ряде случаев — послевоенной разрухе, голоду и нищете. В то же время, при общности намерений в достижении названных целей, внутри региона упро-

¹⁸ Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке : учебник / Под. ред. Т.А. Шапклейной, А.А. Байкова. 3-е изд., испр., доп. и перераб. Москва : Аспект Пресс, 2022. С. 150.

чивается разделение на субрегионы, внутри которых страны обладают собственным видением перспектив развития, логики и норм сотрудничества, а также имеют возможности для более тесного взаимодействия между собой и с внешними игроками безотносительно интересов иных стран региона.

Для экономического развития стран региона характерны две крупные тенденции:

- Универсализация норм хозяйственной деятельности и структуры национальной экономики под влиянием включенности в глобальные экономические отношения.
- Возрастание степени неоднородности национальной экономики, усиление контрастной многоукладности и технологических разрывов внутри единого хозяйства.

Проблемы структурной перестройки национальных экономик

Ускоренное экономическое развитие в период модернизации арабского мира привело его к преодолению порога вопиющей отсталости и бедности, но в то же время к резкой дифференциации на группы высокоразвитых стран с высоким уровнем жизни, развитых государств со средним уровнем жизни и слаборазвитых стран. В то же время во всех странах созданы (хотя и на разном технологическом уровне) основы современной обрабатывающей промышленности и современной энергетики.

Таблица 1. Арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки (2022 г.)

	Площадь территории (тыс. км ²)	Численность населения (млн чел.)	ВВП (млрд долл.)	ВВП (ППС) на душу населения (долл.)
Алжир	2 381,7	44,9	191,9	13 209
Марокко	446,3	37,5	134,2	9 518
Ливия	1 759,5	6,8	45,8	–
Египет	995,5	111	476,7	15 091
Сирия	183,6	22,1	11,2	–
Ирак	434,1	44,5	264,2	9,861
Кувейт	17,8	4,3	184,6	59 065
Королевство Саудовская Аравия (КСА)	2 149,7	36,4	1 108,1	30 436
ОАЭ	71	9,4	507,5	87 729
Йемен	528	33,7	21,6	3 437

Источник: составлено автором на основе данных, опубликованных Всемирным банком¹⁹.

¹⁹ The World Bank Group // The World Bank Group. URL: www.worldbank.org

В группе высокоразвитых стран — экспортеров нефти и газа, сохраняющих высокий уровень доходов и привлекательности для иностранных инвестиций (Кувейт, КСА, ОАЭ), проходят процессы диверсификации моноотраслевой экономики в постиндустриальную экономику смешанного типа. В этой экономике наряду с сохранением нефте- и газодобывающей и обрабатывающей отраслей, обрабатывающей промышленности (с использованием трудосберегающих технологий и робототехники) и сельского хозяйства (преимущественно, в птицеводстве и овощеводстве), происходит интенсивное развитие финансовой и рекреационной сфер с использованием новейших технологий.

Вторую группу составляет большинство арабских стран с аграрно-промышленной и промышленно-аграрной экономикой, не обладающих стабильными источниками внутренних доходов и недостаточно привлекательных для массивных иностранных инвестиций (Алжир, Марокко, Египет). Главной задачей правительств в этих странах остается улучшение существующего положения в экономике путем проведения отдельных преобразований и реализации крупных экономических проектов.

В третьей группе стран, переживающих последствия гражданских войн и слома нормальной хозяйственной жизни (Ливия, Сирия, Ирак, Йемен), главными задачами на ближайшие десятилетия становятся восстановление и реконструкция национального хозяйства для обеспечения нормальных условий жизни населения и сохранения государственности.

Общей тенденцией для большинства стран является рост количественных показателей в экономике: рост ВВП, развитие сельского хозяйства и добывающих отраслей, энергетики, строительства и транспорта, в меньшей степени — металлургической и химической промышленности, машиностроения, финансовой и рекреационной сфер, информационно-коммуникационных услуг. По важному показателю доступности электроэнергии для населения лидерами являются нефтедобывающие страны: в Кувейте, КСА и ОАЭ этот показатель достигает 100%. В эту группы также входят Египет, Алжир (99,8%)²⁰ и Ирак, хуже ситуация в Сирии — 88,8%²¹, Йемене — 74,9%²² и Ливии — 70,2%²³.

Степень остроты экономических проблем существенно различается в странах региона: уровень инфляции в 2022 г. составлял от 84,9% в Сирии²⁴ и

²⁰ Access to electricity (% of population) – Algeria // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.ACCS.ZS?locations=DZ>

²¹ Access to electricity (% of population) – Syrian Arab Republic // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.ACCS.ZS?locations=SY>

²² Access to electricity (% of population) – Yemen, Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.ACCS.ZS?locations=YE>

²³ Access to electricity (% of population) – Libya // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.ACCS.ZS?locations=LY>

²⁴ Syrian Inflation at 84.9 Percent in 2022 as Half of Syrians Live in 'Abject Poverty,' Report Says // The Syria Report. 14.11.2023.
URL: <https://syria-report.com/syrian-inflation-at-84-9-percent-in-2022-as-half-of-syrians-live-in-abject-poverty-report-says/>

13,9% в Египте²⁵ до 4% в Кувейте²⁶ и 2,5% в КСА²⁷; уровень безработицы — от 20,7% в Ливии²⁸ и 15,5% в Ираке²⁹ до 2,8% в ОАЭ³⁰ и 2,5% в Кувейте³¹. В то же время, по такому новому показателю мировой статистики как объем эмиссии CO₂ (метрических тонн на душу населения) ситуация более благоприятна в странах, переживающих кризис: от 0,3 в Йемене³² и 1,27 в Сирии³³ до 14,3 в КСА³⁴ и 21,3 в ОАЭ³⁵.

Таким образом, процесс глобальных перемен ощутим и на Ближнем Востоке. Но в этом регионе переход мировой системы в новое качество проявляется в преломленном виде, нарушая устоявшийся ход развития отчасти модернизированных обществ и экономик, увеличивая масштабы существующих проблем и вызывая к жизни в ряде стран угасающие социальные структуры, например, племенную и земляческую солидарность.

Ощутимое стремление арабских стран ослабить свою зависимость от Запада усиливает роль государства в экономической жизни, порождает необходимость реструктуризации национальных экономик, формирования нового баланса внутри национального хозяйства и во внешних связях, усиления плановых начал в экономике и дальнейшего развития государственно-частного партнерства.

Демографические проблемы

Во второе десятилетие XXI в. в странах Ближнего Востока и Северной Африки произошел демографический переход: вместо традиционно высоких для этих государств 3% роста показатели стали снижаться. В 2022 г. ежегодные темпы прироста населения составляли от 3,7% в Сирии³⁶ и 2,2%

²⁵ Inflation, consumer prices (annual %) – Egypt, Arab Rep. // The World Bank Group.
URL: https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=EG&name_desc=false

²⁶ Inflation, consumer prices (annual %) – Kuwait // The World Bank Group.
URL: https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=KW&name_desc=false

²⁷ Inflation, consumer prices (annual %) – Saudi Arabia // The World Bank Group.
URL: https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=SA&name_desc=false

²⁸ Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – Libya // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=LY>

²⁹ Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – Iraq // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=IQ>

³⁰ Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – United Arab Emirates // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=AE>

³¹ Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – Kuwait // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=KW>

³² CO2 emissions (metric tons per capita) – Yemen, Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=YE>

³³ CO2 emissions (metric tons per capita) – Syrian Arab Republic // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=SY>

³⁴ CO2 emissions (metric tons per capita) – Saudi Arabia // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=SA>

³⁵ CO2 emissions (metric tons per capita) – United Arab Emirates // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=AE>

³⁶ Population growth (annual %) – Syrian Arab Republic // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=SY>

в Ираке³⁷ до 1,6% в Алжире³⁸, 1,6% в Египте³⁹ и 0,8% в ОАЭ⁴⁰. Общая численность населения региона оценивалась в 2022 г. в 493 млн чел.⁴¹ с перспективной роста к 2050 г. до 615,6 млн чел. Продолжительность жизни увеличилась и составляет от 79 лет в ОАЭ⁴² и Бахрейне⁴³ до 70 лет в Египте⁴⁴ и 64 лет в Йемене⁴⁵.

Характерная особенность демографической структуры региона заключается в высоком уровне плотности населения. Доля городского населения в регионе составляет около 66%⁴⁶ и имеет тенденцию к росту. Ближний Восток остается одним из самых урбанизированных регионов мира.

Значительную часть общества составляет молодежь: доля возрастной группы 0–14 лет составляла в 2022 г. в Ираке 38%⁴⁷, в Йемене — 39%⁴⁸, в Сирии — 31%⁴⁹, в Египте 33%⁵⁰, в Саудовской Аравии — 26%⁵¹, в Алжире — 31%⁵². «Молодежный бугор» — общее явление для демографической структуры всех арабских стран. Однако потенциальную выгоду притока в экономику большого числа работников, а также расширение круга потребителей, ограничивают медленный рост экономики и низкий уровень жизни. Темпы роста численности населения опережают темпы роста экономики.

³⁷ Population growth (annual %) – Iraq // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=IQ>

³⁸ Population growth (annual %) – Algeria // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=DZ>

³⁹ Population growth (annual %) – Egypt, Arab Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=EG>

⁴⁰ Population growth (annual %) – United Arab Emirates // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=AE>

⁴¹ Population, total – Middle East & North Africa // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=ZQ>

⁴² Life expectancy at birth, total (years) – United Arab Emirates // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=AE>

⁴³ Life expectancy at birth, total (years) – Bahrain // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=BH>

⁴⁴ Life expectancy at birth, total (years) – Egypt, Arab Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=EG>

⁴⁵ Life expectancy at birth, total (years) – Yemen, Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=YE>

⁴⁶ Urban population (% of total population) – Middle East & North Africa // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=ZQ>

⁴⁷ Population ages 0-14 (% of total population) – Iraq // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO.ZS?locations=IQ>

⁴⁸ Population ages 0-14 (% of total population) – Yemen, Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO.ZS?locations=YE>

⁴⁹ Population ages 0-14 (% of total population) – Syrian Arab Republic // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO.ZS?locations=SY>

⁵⁰ Population ages 0-14 (% of total population) – Egypt, Arab Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO.ZS?locations=EG>

⁵¹ Population ages 0-14 (% of total population) – Saudi Arabia // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO.ZS?locations=SA>

⁵² Population ages 0-14 (% of total population) – Algeria // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO.ZS?locations=DZ>

Безработица молодежи (до 50% в отдельных странах⁵³) и бедность небольшой части населения уже сейчас существенно влияют на социально-экономическую и политическую ситуацию в каждой арабской стране и политику ее властей. В условиях неустойчивого социально-экономического развития это приводит к вспышкам политической нестабильности.

Долгие вооруженные конфликты в Палестине, Ливии, Сирии, Ираке и Йемене привели к росту числа беженцев. Эта проблема легла тяжелым грузом на соседние арабские страны. Внутрорегиональная трудовая миграция (в основном в богатые страны Аравийского полуострова) и миграция в страны Европы лишь отчасти смягчают эти процессы.

Проблема дефицита водных ресурсов

Проблема дефицита водных ресурсов является естественной для многих стран Ближнего Востока, но вода стала и стратегическим ресурсом. Природные свойства территорий региона в сочетании с интенсивным экономическим ростом и спонтанным антропогенным влиянием существенно сокращают и осложняют возможности для экономического развития. Последствия глобального потепления в некоторых районах дополняются опустыниванием, которое проявляется в расширении площади пустыни Сахара. Последствия и масштабы глобальных климатических изменений в регионе наряду с интенсивной экономической деятельностью усугубляют экологические проблемы, главной из которых была и остается общая для региона проблема нехватки пресной воды.

Положение осложняется отсутствием единства в понимании остроты проблемы. Объем водных ресурсов по странам на душу населения весьма разнится (м³/год): от недостаточно обеспеченных (как, например, Иордания — 62⁵⁴ и Йемен — 65⁵⁵), до среднеобеспеченных (среди которых Алжир — 259⁵⁶ и Оман — 308⁵⁷) и высокообеспеченных (таких как Марокко — 790⁵⁸ и Ирак — 827⁵⁹).

В регионе невысокий уровень природных осадков. Лишь Египет, Сирия и Ирак обладают большими реками с большим водным потоком. В странах Аравийского полуострова большое значение имеют подземные воды. Однако за годы индустриализации, интенсивного развития сельского хозяй-

⁵³ Khamis J. How Arab countries can harness the advantages of region's 'youth bulge' // Arab News. 13.08.2023.
URL: <https://www.arabnews.com/node/2354676/middle-east>

⁵⁴ Renewable internal freshwater resources per capita (cubic meters) – Jordan // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=JO>

⁵⁵ Renewable internal freshwater resources per capita (cubic meters) – Yemen, Rep. // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=YE>

⁵⁶ Renewable internal freshwater resources per capita (cubic meters) – Algeria // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=DZ>

⁵⁷ Renewable internal freshwater resources per capita (cubic meters) – Oman // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=OM>

⁵⁸ Renewable internal freshwater resources per capita (cubic meters) – Morocco // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=MA>

⁵⁹ Renewable internal freshwater resources per capita (cubic meters) – Iraq // The World Bank Group.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=IQ>

ства и ускоренной урбанизации происходило загрязнение поверхностных вод и истощение подземных вод. Объем возобновляемых водных ресурсов в странах Аравийского полуострова в среднем сократился с 678 м³ в год в 1970 г. до 176 м³ в 2000 г., а в целом для арабского мира он сократился с 4 тыс. м³ в год в 1950 г. до 743,5 м³ в 2011 г⁶⁰. И этот процесс необратим.

Проблема заключается не только в наличии природных ресурсов, но и в доступе к ним, поскольку возобновляемые водные ресурсы поступают с территорий других стран. Крупнейшие реки Нил, Евфрат и Тигр имеют начало вне арабского региона, большинство других рек используются несколькими странами. Так, например, река Иордан пересекает Ливан, Сирию, Израиль, Иорданию и Палестину. Для Египта получение в достаточном объеме вод Нила оказалось под вопросом из-за притязаний Судана и Эфиопии, а также Бурунди, Руанды, Уганды, Кении и Танзании на воды верховьев и притоков Нила. Сирия столкнулась с дефицитом водных ресурсов из-за строительства Турцией каскада плотин на Евфрате⁶¹. Таким образом, страны Аравийского полуострова, Иордания и Палестина жестко ограничены природными возможностями, но и остальные арабские государства стеснены в использовании водных ресурсов.

Производными от этого стали проблемы дефицита пахотных земель и дефицита продовольствия. В сельском хозяйстве занято около трети населения региона, однако Ближний Восток существенно, до 50%, зависит от импорта продовольствия, что порождает проблему продовольственной безопасности. Тем не менее все арабские страны являются одновременно и экспортерами, и импортерами (в ограниченном объеме и наборе продуктов) продовольствия.

Между тем, рост численности населения, бурное развитие городов и развитие промышленности наряду с поддержанием своего сельскохозяйственного производства требует постоянного увеличения потребления воды. В Саудовской Аравии потребление воды в 4 раза⁶² превосходит имеющиеся возобновляемые водные ресурсы, что приводит к их ускоренному истощению. В ОАЭ оно тоже остается довольно высоким⁶³. Проблема решается разными способами от экономии водных ресурсов путем более рационального их использования и внедрения современных технологий ирригации до опреснения морской воды, что возможно для стран, обладающих большими финансовыми и энергетическими мощностями.

В странах Аравийского полуострова находятся, по разным оценкам, от 57 до 70% опреснительных мощностей мира. В Саудовской Аравии в 2020 г. в земледелии объем потребления воды из невозобновляемых источников

⁶⁰ Арабский мир. Контрасты водного баланса / [О.П. Бибикина и др. ; отв. ред. З.А. Соловьева, А.О. Филоник] ; Ин-т востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2018. С. 258.

⁶¹ Там же. С. 199-256.

⁶² Bradbury C. Water Crisis in Saudi Arabia // The Borgen Project. 10.07.2020.
URL: <https://borgenproject.org/water-crisis-in-saudi-arabia/>

⁶³ Hilal N. World Water Day: A chance for the UAE to re-think our use of resources // The National. 22.03.2022.
URL: <https://www.thenationalnews.com/opinion/comment/2022/03/22/world-water-day-a-chance-for-the-uae-to-re-think-our-use-of-resources/>

сократился до 9 млрд м³ по сравнению с 17 млрд м³ в 2016 г. А мощности 32 заводов корпорации по опреснению воды в 2020 г. составляли ежедневно 5,9 млн м³⁶⁴.

Устойчивая экономическая регионализация арабского мира

Исходя из объективных географических условий и природных и человеческих ресурсов, страны арабского мира естественно выделяют в регионы: Северная Африка (Магриб и Египет) и Юго-Западная Азия (страны Аравийского полуострова, Иордания, Ливан, Сирия, Ирак). Географическое понятие Ближний Восток не полностью соответствует функциональному понятию, потому что в текущем политическом и экономическом рассмотрении чаще мы имеем в виду центральную часть южного Средиземноморья от Египта до Сирии. Точно так же понятие Персидский залив функционально распадается на три части: нефтяные монархии, Ирак и Иран.

Сложившиеся в конце XX в. экономические связи внутри региона подкреплялись экономическими соглашениями государств, в политике которых, несмотря на частые политические разногласия, верх брала очевидная экономическая рациональность и выгода. Возникла тенденция к интеграции в рамках региона, помимо экономических структур ЛАГ.

В 1981 г. был создан ССАГПЗ, за несколько лет превратившийся из органа координации проблем безопасности и обороны нефтяных монархий в реальное экономическое сообщество. В 1989 г. было заключено соглашение о создании экономического Союза арабского Магриба (САМ), в который вошли Алжир, Марокко, Мавритания, Ливия и Тунис, но из-за внутренних разногласий взаимодействие стран вскоре необратимо сместилось на двустороннюю основу.

Внутри арабского мира трудно увидеть единство в экономической сфере. Самым ярким подтверждением этого является сложившееся за последние полвека разделение арабских стран на две группы. Первая группа — это страны, которые обладают большими нефтяными ресурсами, и потому до недавнего времени капиталоизбыточны. Во вторую группу входят страны, лишенные больших нефтяных ресурсов (хотя ограниченные запасы нефти и газа имеются в большинстве арабских стран и используются для внутренних нужд).

Общие экономические параметры и интересы соседних государств побуждают их к согласованию экономических усилий и координации политики государств в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. В настоящее время часть первой группы — нефтяные монархии Залива — можно отнести к странам с формирующейся постиндустриальной экономикой, большую часть арабского мира — к группе стран с индустриально-аграрной (Египет, Алжир) и аграрно-индустриальной экономикой (Марокко, Сирия). Несколько стран можно отнести к группе доиндустриальной экономики (Йемен, Мавритания, Западная Сахара). Такая утвердившаяся дифферен-

⁶⁴ Долженков А. Королевство хочет стабильности // Журнал «Эксперт». 2022. № 46. С. 76.

циация лишает арабский мир былого единства по экономическим показателям, существовавшим в эпоху до «нефтяного бума» и до модернизации. На Ближнем Востоке низкая доля внутрирегиональной торговли. Экономики однотипны по своей структуре, как правило, имеют экспортную ориентацию. В большей части стран ведущими отраслями давно стали добывающая отрасль, сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, в большей или меньшей степени обеспечивающие потребности внутреннего рынка, а также туризм.

Происходящий по всему миру процесс перехода экономических структур к «научоемкому» или инновационному этапу развития на Ближнем Востоке имеет фрагментарный характер, усиливая неравномерность развития как между группами стран, так и внутри отдельных национальных экономик. Во всех странах население стало активным потребителем материальных продуктов научно-технического развития (мобильные телефоны, в меньшей степени — компьютеры и Интернет), но предприятия собственного производства на основах современных технологий имеются лишь в группе стран-экспортеров нефти. В то же время, проблематика «зеленой экономики» и возобновляемой энергетики присутствует в планах развития почти всех стран региона, и в ряде государств успешно реализуются проекты в этой сфере (эффективные проекты ветровых и солнечных электростанций в странах Магриба, строительство АЭС в Египте и планы создания АЭС в ОАЭ и Саудовской Аравии).

Социально-экономическое неравенство в регионе усиливается, поскольку немалая часть населения не имеет свободного доступа к жизненно важным ресурсам (продовольствие, пресная вода, социальные и медицинские услуги, образование), а имущественное расслоение возрастает во всех странах. На долю 10% самых богатых граждан стран Ближнего Востока приходится 56% национального дохода⁶⁵.

Нефть и газ арабского мира

По запасам нефти и газа — около 50% и 40% мировых запасов — страны региона занимают лидирующие позиции в мире. Государства Ближнего Востока остаются крупнейшими игроками мирового рынка сырой нефти.

Географическая структура нефтяного экспорта существенно изменилась по сравнению с ситуацией второй половины XX в., когда нефтяные потоки шли в Западную Европу и Японию. Главными потребителями арабской сырой нефти является Китай и другие страны АТР, Индия, Япония, и затем — страны Европы. Таким образом, государства региона пока могут использовать в своих интересах соперничество национальных экономик за ресурсы.

Однако нефтедобывающие страны региона в первые десятилетия XXI в. оказались перед необходимостью адаптироваться к условиям идущего в мире энергетического перехода от широкого потребления нефти к широкому

⁶⁵ Moshrif R. Income Inequality in the Middle East // World Inequality Lab. November 2022.
URL: <https://wid.world/document/income-inequality-in-the-middle-east-world-inequality-lab-issue-brief-2022-06/>

использованию природного газа в условиях роста индустриальной энергетики стран Востока и постепенного перехода стран Запада к постиндустриальной энергетике, важной частью которой становятся возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Процесс энергоперехода может замедляться или ускоряться, но необратимость его не ставится под сомнение. В краткосрочном плане спрос на главный продукт региона резко падал за два последних десятилетия вследствие экономического и финансового кризиса и пандемии *COVID-19*. Избыточное предложение нефти привело к падению цен на нее.

Указанные процессы, а также идущая перестройка мировой энергетики, переход стран Запада, а за ними и многих других государств, на ВИЭ, а также внедрение энергосберегающих технологий во все более широком масштабе в долгосрочной перспективе ведут к уменьшению значения региона в мировом хозяйстве как источника энергоресурсов. Процесс декарбонизации затронул и нефтяные монархии Залива, став частью их планов долгосрочного развития. Однако в целом нефть и особенно газ и СПГ Ближнего Востока в краткосрочной и среднесрочной перспективе сохраняют свое значение.

Неотложной необходимостью для стран-экспортеров нефти становится развитие нефтепереработки и нефтехимии. Пока нефтеперерабатывающие и нефтехимические мощности США и Канады по-прежнему превышают мощности всех стран Ближнего Востока, заставляя их конкурировать с продукцией североамериканских государств. Объем экспорта нефтепродуктов стран Ближнего Востока в 2022 г. составлял 15,4 млн тонн в день⁶⁶, а США — 9,6 млн тонн в день⁶⁷.

Существование ОПЕК+ стало настолько привычным в мировом хозяйстве и политике, что подчас упускается из виду важное обстоятельство: этот мощный экономический союз (как и созданная в 1960 г. ОПЕК) противостоит Западу, западным компаниям и западному капиталу. ОПЕК была создана в ответ на резкое понижение западными нефтяными компаниями справочных цен на нефть, что сократило доходы нефтедобывающих стран. ОПЕК+ была создана в 2016 г. в ответ на удвоение нефтедобычи в США за счет добычи сланцевой нефти, что обвалило нефтяные цены в несколько раз и вызвало невозможный в XX в. дефицит бюджета стран-экспортеров. Для борьбы за свои интересы они объединились с крупнейшими производителями нефти вне западного мира.

В рамках ОПЕК+ даже в 2023 г., в условиях резкой поляризации мировой системы, нефтедобывающие страны успешно договариваются об объемах добываемой нефти и вместе стремятся к поддержанию приемлемых цен на нее. Смогли договориться и о перераспределении рынков: после начала

⁶⁶ Oil exports from the Middle East from 1998 to 2022 (in 1,000 barrels per day) // Statista.
URL: <https://www.statista.com/statistics/265311/oil-exports-from-the-middle-east/>

⁶⁷ Total petroleum exports from the United States in selected years from 1950 to 2022 (in 1,000 barrels per day) // Statista.
URL: <https://www.statista.com/statistics/191320/total-us-petroleum-exports/>

бойкота российской нефти в США и Европе произошел размен: Саудовская Аравия уступила России индийский рынок и часть китайского, тогда как нефть с Ближнего Востока пошла на рынок Европы⁶⁸.

Спрос на природный газ устойчиво растет на мировом рынке. На рынке СПГ среди арабских стран ведущее место прочно занимает Катар. После введения в стране в 2027 г. в строй новых СПГ-мощностей, позиции Катара на мировом газовом рынке усилятся.

Возникшие в начале XXI в. страхи по поводу скорого истощения нефтяных запасов Аравии быстро сошли на нет. Так, в 2023 г. в десятку стран — крупнейших по запасам нефти, входили (млрд барр.): Венесуэла — 303,8, Саудовская Аравия — 297,5, Канада — 168,1, Иран — 157,8, Ирак — 145, Россия — 107,8, Кувейт — 101,5, ОАЭ — 97,8, США — 68,8, Ливия — 48,4⁶⁹. Запасы только арабских стран более чем в три раза превосходят объем запасов нефти США и Канады. Важно также отметить, что арабские страны в своей нефтяной политике следуют принципу «оставим запасы будущим поколениям», в то время как США и Канада интенсифицируют нефтедобычу ради решения текущих экономических и отчасти политических проблем.

Текущий рост потребления нефти в странах Запада и Востока ведет к росту справочной цены нефти и побуждает нефтедобывающие страны и их компании к усовершенствованию технологий добычи и контролю за нефтяным рынком, пока их «нефтяной век» не закончился.

Основные тенденции экономического развития субрегионов

В данном разделе будут рассмотрены субрегионы Ближнего Востока и Северной Африки: Машрик, Магриб (в рамках которого также будет рассматриваться Египет, находящийся на стыке субрегионов), а также зона Залива — нефтяные монархии Аравийского полуострова. Особое внимание будет уделено Йемену, который географически относится к Аравийскому полуострову, но фактически в стране происходят совершенно другие экономические тенденции, в сравнении с теми, которые наблюдаются в нефтяных монархиях Залива.

Реконструкция и модернизация: Сирия, Ирак, Ливан

В субрегионе Машрик существуют все условия для успешного развития: природные и человеческие ресурсы, модернизированные общества и успешный опыт построения основ современной индустриально-аграрной экономики. Стоит упомянуть о присутствии в субрегионе государства с постиндустриальной экономикой и обществом европейского типа — Израиля. Теоретически, при соединении названных потенциалов этот район мира мог бы показать пример ускоренного развития. Но бесконечное «завершение» ближневосточного конфликта (решение «палестинской проблемы») вкуче с борьбой за углеводородные ресурсы и способы их доставки к потре-

⁶⁸ Огородников Е. Сирийская контрибуция // Журнал «Эксперт». 2023. № 15. С. 9.

⁶⁹ Oil Reserves by Country 2023 // World Population Review.

URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/oil-reserves-by-country>

бителям видятся непреодолимым барьером на пути объединения ресурсов ради общего процветания.

Ирак, ранее обладавший богатым потенциалом и очевидными предпосылками регионального лидера, в силу внутривнутриполитических проблем оказался отброшенным назад на десятилетия по социально-экономическим показателям, а в сфере международных отношений стал страной-изгоем.

Сирия, в свою очередь, располагает развитым потенциалом для аграрного и промышленного производства, но не имеет возможностей для его раскрытия и использования.

Ливан, потеряв в середине 1970-х гг. свою роль финансового центра Ближнего Востока, а в дальнейшем — и накопленный потенциал банковской и торговой сфер, все более теряет возможности для самостоятельного развития, полагаясь на внешнюю помощь и внешние заимствования.

Курдский фактор, присутствующий в экономической жизни Машрика и отчасти институционализированный, пока не обрел черты самостоятельного хозяйственного субъекта.

Сохранение политических (отчасти, этно-конфессиональных) причин нескончаемых конфликтов, подкрепляемых (вольно или невольно) включенностью внешних игроков — мировых (США, РФ, КНР) и региональных держав (Турция, Иран) в дела субрегиона, привело к такому типу развития как «медленное сползание». Суть его в продолжении функционирования хозяйственного механизма — по заданной ранее инерции — при отсутствии экономического развития. Усилия государства и частного капитала при содействии внешней помощи позволяют поддерживать «на плаву» существующие отрасли экономики и даже обеспечить в отдельных сферах показатели роста. Однако сохранение очагов вооруженных конфликтов и разобщенность внутри арабского общества не позволяют полноценное развитие всего хозяйственного организма, как это происходит в нефтяных монархиях Залива, Турции или Иране.

Главной экономической задачей власти и общества в каждой из стран субрегиона становится стабилизация хозяйственной жизни: нормализация финансовой сферы, восстановление инфраструктуры, обеспечение потребностей ЖКХ, возрождение промышленности, восстановление торговых потоков на национальном и региональном рынках, возвращение государству плановых, регулирующих и контрольных функции в экономической жизни. Лишь после решения задач стабилизации возможен переход к реконструкции национальных экономик с учетом норм постиндустриального технологического уровня и их модернизация.

Сохранить устойчивость: страны Магриба и Египет

Экономическое развитие Ливии в силу продолжающегося гражданского конфликта выпадает из общего ряда стран Магриба. Однако огромные запасы углеводородных ресурсов и явная заинтересованность внешних

игроков в их использовании позволяют предположить, что при любом варианте восстановления государственности на территории Ливии потенциал ее природных ресурсов будет включен в мировое нефтяное хозяйство, а за этим — при масштабном участии арабских и иных инвесторов — последует восстановление и реконструкция национального хозяйства.

Алжир был и остается экономическим лидером среди стран Магриба. Его развитая по региональным меркам экономика, основу которой составляет нефтегазовый сектор, сохраняет устойчивость.

Марокко и Тунис обладают меньшим экономическим потенциалом, но достаточно эффективно используют имеющиеся возможности. Марокко, лишенное запасов нефти, обладает значительными в мировом масштабе запасами фосфатов, а также готово использовать запасы фосфатов Западной Сахары, где марокканские власти активно участвуют в экономической жизни (создание инфраструктуры, развитие сельского хозяйства, строительство школ). Обе страны располагают большим рекреационным потенциалом, и туристическая отрасль играет важную роль в экономике.

Египет — больше, чем страна, «сердце арабского мира», находясь на стыке субрегиональных систем, сам составляет субрегион между Азией и Африкой. Египет в силу своего масштаба и исторического авторитета остается общепризнанным региональным лидером в политическом отношении, а в экономическом — имеет широко развитые связи со всем арабским миром и странами Африки. Египет обладает многоотраслевой и развитой экономикой, уступая лишь неарабским странам региона.

Режим ас-Сиси стремится сохранить достигнутую с большим трудом социальную стабильность и экономическую устойчивость самой крупной арабской страны с населением более 110 млн чел. Декларацией о намерениях социально-экономических реформ стала программа «Видение-2030»⁷⁰. Однако ее реализация идет крайне медленно, в частности, поставленная ас-Сиси амбициозная цель полной ликвидации бедности к 2030 г. явно недостижима.

Треть населения Египта составляют бедняки, живущие на прожиточный минимум в 45 долл. в месяц, хотя и зажиточные слои общества живут небогато по сравнению с соседними странами. Относительно невысокий средний уровень жизни смягчает проблему социального неравенства. Власти объясняют это последствиями пандемии, приведшей в упадок туристический сектор, одну из опор экономики, и влиянием украинского кризиса, изменившего торговые потоки, что отразилось на судоходстве Суэцкого канала.

Сохраняется зависимость страны от займов МВФ, обусловленных проведением экономических реформ⁷¹. Проведенная правительством валютная либерализация привела к росту инфляции, которую власти удается контро-

⁷⁰ Egypt's Vision 2030 // Egypt's Vision 2030. URL: <http://sdsegypt2030.com/?lang=en>

⁷¹ Egypt and the International Monetary Fund // State Information Service. 17.03.2023. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/178311/Egypt-and-the-International-Monetary-Fund?lang=en-us>

лирование. От нефтяных монархий Залива Египет получил с 2013 г. финансовую помощь в размере около 100 млрд долл.⁷² Страна остается крупнейшим в мире импортером пшеницы.

При этом нарастают экономические проблемы (инфляция, рост цен). В крайне стесненных условиях властям остается только административное регулирование экономической жизни, сопровождаемое усилением политического контроля государства.

Давняя угроза дефицита водных ресурсов в стране не слабеет, а усиливается. После завершения строительства Эфиопией в верховьях Нила «Плотины великого возрождения Эфиопии» и строительства ГЭС «Хидасэ» на долю Египта придется, согласно расчетам, на 30% меньше водных ресурсов, а выработка электроэнергии на Асуанской ГЭС уменьшится на 40%⁷³. Разрешение водного конфликта в переговорах с Суданом и Эфиопией (и другими заинтересованными странами Африки) видится возможным лишь с помощью внешних посредников (ООН, США). В некоторой степени дефицит электроэнергии для страны компенсирует ввод в строй построенной Россией крупнейшей в Африке атомной электростанции «Эль-Дабаа».

Ставка египетской власти на крупные, многомиллиардные мега-проекты не всегда себя оправдывает. С одной стороны, АЭС будет давать электроэнергию и обеспечит новые современные рабочие места; «новый Суэцкий канал» позволил сократить простои судов, провести работы по расширению и углублению русла Суэцкого канала. Однако создание в 30 км от Каира новой административной столицы «Новый Каир» мало себя оправдало. В то же время, проведение структурных экономических реформ видится мало-реальным с учетом дефицита собственных средств и иностранных инвестиций. Немалую помощь в поддержании устойчивости экономики Египта в последние десять лет оказывает Китай, участвующий в модернизации инфраструктуры и создании специальных экономических зон в районе Суэцкого канала.

В то же время в регионе Ближнего Востока экономика Египта остается значимой величиной. Показательно решение президента ас-Сиси в мае 2023 г. об осуществлении поставок природного газа в Сирию, что, с одной стороны, помогает слабой сирийской экономике, а с другой — позволяет Ливану получать плату за транзит газа.

Обустройство постиндустриального мира: страны Персидского залива

Страны Аравии, оставаясь в географическом отношении частью Юго-Западной Азии, представляют собой отдельную часть арабского мира. Их общность определяется не только относительной однородностью в этническом

⁷² Gambrell J. Egypt's president praises UAE, seeking to heal Gulf aid rift // The Associated Press. 13.02.2023. URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-politics-egypt-government-united-arab-emirates-2e2e35a90ff6a77a83d9749b91d06a37>

⁷³ Ефимова М. Деление воды // ИД «Коммерсантъ». 09.05.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2978858>

и языковом отношении, сходными чертами в историческом развитии, но и одинаковым характером социально-экономического развития в новейшее время.

Правящие династии Аль Сауд, ас-Сабах, Аль Халифа, Аль Тани и другие благодаря потоку нефтедолларов и содействию западных компаний во второй половине XX в. провели модернизацию экономик и всего общества. Это позволило им не только адаптировать политическую систему к новым реалиям и сохранить существующий строй, но и приступить к созданию основ постиндустриальной и высокотехнологичной экономики — исходя из возможностей и условий Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна, Катара, ОАЭ и Омана.

Происходящая переориентация мировой энергетики с углеводородов на ВИЭ не пугает нефтяников Аравии. В мае 2022 г. министр энергетики КСА эмир Абдель Азиз бен Сальман назвал сценарий «нулевых выбросов углерода» для достижения целей устойчивого развития «Ла-ла-лендом», указав, что реальностью является «низкий уровень выбросов углерода»⁷⁴. В королевстве и других странах решается задача снижения ежегодных выбросов CO₂ и повышения производства электроэнергии за счет возобновляемых источников. По всем возможным расчетам и оценкам, нефть сохранит свое значение в качестве энергетического ресурса еще по меньшей мере 10-15 лет. За это время власти рассчитывают завершить кардинальную диверсификацию нефтяных экономик, превратив их в многоотраслевые и с ведущей ролью сферы услуг: туризм, торговля, финансы.

Уже сейчас Международный финансовый центр в Дубае превратился в удобную платформу для финансовых учреждений и компаний, желающих выйти на рынки Ближнего Востока, Южной Азии и Африки.

Политическая стабильность режимов долгое время обеспечивалась сочетанием методов «кнута и пряника»: жесткий политический режим и высокий уровень жизни для коренных жителей. В последнее десятилетие к этому добавляется и политика частичной политической либерализации. Решается и проблема иностранных работников, которые потенциально (подчас и реально) представляют собой политическую угрозу с требованиями равных с коренными жителями социальных прав. В Саудовской Аравии усиливается процесс «саудизации» рабочей силы (поставлена цель, что доля иностранцев должна составить не более 25% рабочей силы)⁷⁵, в ОАЭ с небольшим населением ужесточается регламентирование труда иностранцев (чья доля превышает 90% рабочей силы)⁷⁶, а на производстве происходит широкое внедрение робототехники.

⁷⁴ Долженков А. Королевство хочет стабильности // Журнал «Эксперт». 2022. № 46. С. 76.

⁷⁵ Saudi Arabia: Rules on Saudization (Saudisation), including their applicability to teachers generally, and to kindergarten and elementary school teachers specifically // United Nations High Commissioner for Refugees. 24.10.2002. URL: <https://www.refworld.org/docid/3f7d4e137.html>

⁷⁶ UAE firms scramble to hire locals for jobs as deadline approaches // Al Jazeera Media Network. 28.12.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2022/12/28/uae-firms-scramble-to-hire-locals-for-jobs-as-deadline-approaches>

В январе 2023 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии Фейсал бен Фархан Аль Сауд на Всемирном экономическом форуме в Давосе заявил, что его страна намерена стать самой быстрорастущей экономикой в мире. Громкое заявление министра стало свидетельством как минимум уверенности властей королевства в настоящем положении экономики. В Саудовской Аравии давно отказались от стереотипов, что нефть нужно добывать как можно больше. Идет структурная перестройка саудовской экономики. Нефтяной сектор сохраняет свое значение ее «станового хребта», но возрастает значение нефтепереработки и нефтехимии. Королевство наряду с соседними ОАЭ и Кувейтом захватило части мирового рынка нефтепродуктов и намерено увеличивать свою долю за счет стран Восточной Азии. Масштабные проекты нефтепереработки и нефтехимии саудовцы реализуют в Китае.

В настоящее время саудовские власти заинтересованы в привлечении инвестиций извне для реализации масштабных социально-экономических проектов плана «Видение 2030». Предложены амбициозные огромные проекты «городов будущего» на побережье Красного моря, включающие промышленные предприятия, туристические объекты и жилые кварталы с использованием самых современных технологий. Одним из показателей постиндустриального характера саудовской экономики стало наличие 12 тыс. вышек 5G. В страну приглашены китайские специалисты IT, в то же время, национальная нефтяная корпорация *Saudi Aramco* создала совместное предприятие с корпорацией *Google*⁷⁷.

Давняя проблема саудовской экономики — нехватка квалифицированной рабочей силы — благодаря усилиям наследного принца Мухаммеда бен Сальмана постепенно решается за счет более широкого и свободного привлечения женщин на рабочие места. Тем самым продолжается процесс «саудизации» рабочей силы и замены потенциально опасных (в политическом плане) мигрантов на своих работников.

Всеми забываемая проблема: Йемен

Экономическая ситуация в Йемене сложнее и труднее, чем в Ливии. Это вызвано более низким уровнем социально-экономического развития, намного большей численностью населения, а также более высокой степенью разобщенности людей по племенным и этноконфессиональным критериям. К 2021 г. была свернута операция «Буря решимости», начатая в 2015 г. коалицией под руководством Саудовской Аравии и превратившая гражданскую войну в субрегиональный конфликт. Экономические последствия этого события для и так одной из беднейших стран региона можно назвать одним словом: катастрофа. Окончание гражданской войны является главным условием создания нормальных условий жизни для населения страны. И в случае сохранения единства страны, и в случае ее распада вновь на две части — Север и Юг — экономика останется на примитивном уровне. Анклавом связи с современной экономикой останется производство кофе на экс-

⁷⁷ Мануков С. Саудовская Аравия «пристроила» в Китае колоссальный объем нефти // Журнал «Эксперт». 2023. №13. С. 35.

порт, а возможное использование Саудовской Аравией области Хадрамаут для рационализации логистики и организация там нефтепроводов создаст условия для появления очагов современного промышленного уклада.

Внешние связи региона и субрегионов: динамика перемен

На протяжении второй половины XX в. арабский мир в значительной мере оказался в сфере влияния США по военно-политическим (военные поставки и военное давление), экономическим (поставки продовольствия, финансовая и иная помощь) и даже гуманитарным причинам (влияние американских средств массовой культуры и средств коммуникаций, система образования). Это влияние парадоксально сосуществовало с неприятием образа США как покровителя Израиля. И даже открытые конфликты с США и другими странами Запада в 1967 г. и 1973 г. не изменили характер отношений, а возросшая активность США и американского капитала в регионе в последние десятилетия XX в. как будто закрепила эти тенденции. Действия США в регионе в начале XXI в. создали неприятие Соединенных Штатов «арабской улицей». Однако реальные потребности экономической жизни побуждали власти всех арабских государств в большей или меньшей степени полагаться на США и западные страны.

Однако на рубеже 2022–2023 гг. оказалось, что зависимость арабского мира от Запада и США не так масштабна и важна, как было принято думать. В свою очередь, возникло понимание, что и Запад нуждается в регионе не так сильно, как это было в середине XX в.

Например, превращение США в XXI в. в самодостаточную страну в сфере энергообеспечения благодаря «сланцевой революции» стало одной из причин пересмотра саудовско-американских отношений и политики США в регионе. Другой важной причиной стало осознание саудовцами излишне высокой степени своей зависимости от США, американского доллара в качестве расчетной единицы за нефть, технологий, необходимых для создания современных производств, военного «зонтика» и поставок вооружений перед лицом потенциальных угроз со стороны Ирана.

Однако тенденции, которые стали очевидны в последние годы, на самом деле формировались постепенно в течение двух с половиной десятилетий социально-экономического и политического развития арабского мира в XXI в. Это неравномерное развитие меняло характер отношений с внешними игроками не только в сфере международной политической, но и экономической жизни. Движение арабских стран от положения «сырьевых придатков» и рынков сбыта для западных экономик к положению «периферии» мирового капиталистического хозяйства ныне приобретает черты большей самостоятельности в экономической сфере. Можно выделить следующие важные сферы:

- *Продовольствие.* В настоящее время полной зависимости от поставок продовольствия из США, Канады и Франции уже нет. Крупными поставщиками продуктов питания в регион стали Индия и РФ.

- *Нефть и газ.* Успех «сланцевой революции» в США может оказаться краткосрочным. Уже весной 2023 г. добыча нефти в США вышла на плато, растет себестоимость добычи. По сценарию «сланцевого провала» США вновь окажутся в положении нетто-импортера нефти, и на мировой нефтегазовый рынок вернется привычный порядок, удобный для стран ОПЕК+, и комфортные для них цены.
- *Техника и технологии.* США и западноевропейские страны остаются основными поставщиками техники и технологий, однако формирующийся в АТР вокруг Китая новый экономический (технологический) центр мирового хозяйства (Китай, Тайвань, Южная Корея и в меньшей степени Япония) становится если не альтернативой, то возможностью уменьшить степень зависимости от Запада в данной сфере.
- *Вооружение.* Вооруженные силы арабских стран Залива из десятилетия в десятилетие закупали основную часть вооружений всех назначений в США и западноевропейских странах. Прагматичные правители понимают, что в ближайшее время воевать им не с кем. Техника стареет, а при необходимости поставщиками всех типов вооружений и систем обороны могут стать (отчасти уже становятся) Китай, Турция и РФ. В конце мая 2023 г. состоялся визит в Саудовскую Аравию большой делегации корпорации «Ростех», в ходе которого саудовцам показали возможности российских вертолетов, грузовых автомобилей и стрелкового оружия. В начале июня 2023 г. прошли переговоры с властями Кувейта о возможной закупке российских танков.
- *Финансы.* Переход в международной торговле на расчеты в национальных валютах уже необратим, доллар теряет свои позиции. Ближний Восток, как и весь мир, постепенно готовится к перестроению мировой торговли без доллара. Даже некогда верный союзник США Саудовская Аравия продает нефть Китаю за юани, что стало рубежом в отказе от привычного «нефтедоллара». Саудовская Аравия принимает решения о сокращении добычи нефти без согласования с США, а когда в 2022 г. президент Джоозеф Байден приехал в Королевство с просьбой увеличить добычу для снижения цен на нефть, то встретил откровенное непонимание.

Наконец, активность Египта и Саудовской Аравии в *G20* свидетельствует об очевидном дистанцировании от Запада. Заявленное и уже практически реализованное желание саудовцев присоединиться к БРИКС содержит в себе стремление учредить на замену доллара новую мировую валюту для использования в нефтяных расчетах.

Таким образом, очевиден усиливающийся тренд переориентации экономических отношений арабского мира на Восток. Прежнее положение дел могло бы сохраняться еще достаточно длительное время, сохраняя инерцию связей с Западом и вялотекущие отношения с Востоком. Но конфликт США—Китай, усиленный действиями администраций Дональда Трампа и Джоозефа Байдена, и все более масштабный по последствиям украинский кризис придали большое ускорение наметившимся тенденциям.

Замораживание средств РФ, произведенное США в одностороннем порядке, произвело сильное впечатление на правителей и жителей нефтяных монархий. Объем нефтедолларов, вложенных ими в западную финансовую систему, преимущественно в США, оценивается в сотни миллиардов. Нефтяным монархиям не хотелось бы их терять или лишиться права на управление ими. В то же время, инвестиции в европейские финансовые учреждения продолжаются: в конце 2022 г. Саудовская Аравия вложила 500 млн долл. в подразделение переживавшего затруднения швейцарского финансового конгломерата *Credit Suisse*⁷⁸.

Зарубежные инвестиции идут и в регион. Предстоящие проекты восстановления и реконструкции городов, инфраструктуры и промышленности в Ливии, Сирии и Ираке также привлекают внимание Китая и других внешних игроков. Особое внимание КНР уделяет Саудовской Аравии, одному из реальных центров силы на Ближнем Востоке.

Проект трансасиатского транспортного коридора «Север—Юг» не предусматривает участия арабских стран Залива, однако можно предположить, что в случае его успешной реализации нефтяные монархии могут включиться в перспективные торговые потоки на Юг — в Индию и Пакистан. Демонстративное завершение «малой холодной войны» между Саудовской Аравией и Ираном после подписания в марте 2023 г. соглашения о возобновлении дипломатических отношений при посредничестве Китая открыло возможность для нормализации двусторонних отношений и восстановления нормальных экономических связей.

В свою очередь, страны Северной Африки, имеющие давние и прочные экономические связи (торговые связи, инвестиции, трудовая миграция) со странами Южной Европы — Испанией, Францией и Италией — готовы и далее укреплять взаимовыгодное сотрудничество.

Основные тенденции регионального экономического развития

Арабские страны Ближнего Востока остаются важной, но достаточно слабой частью мировой экономики — благодаря обладанию нефтегазовыми ресурсами, но низкому уровню социально-экономического и технологического развития.

В качестве главной тенденции регионального экономического развития следует выделить возникшее и усиливающееся состояние разбалансированности порядка отношений внутри региона и внутрирегиональных экономических структур, ослабление межарабских связей, что проецируется и на отношения с внешними игроками. Усиливается дифференциация среди арабских стран, все более сосредоточивающихся на решении собственных проблем и задач.

Стоит отметить также сохранение и даже рост влияния исламских ценностей на экономическую жизнь арабских стран, что особенно заметно про-

⁷⁸ Обухова Е. Кто убил канарейку // Журнал «Эксперт». 2023. № 12. С. 17.

явилось после Иранской революции 1979 г. Исламские банки в арабских странах действуют наряду с обычными финансовыми учреждениями.

Важным фактором для целого ряда арабских государств является усугубление традиционных угроз: проблемы дефицита пресной воды и проблемы продовольственной безопасности.

Технологическая революция, пандемия и украинский кризис усугубили последствия слома привычного порядка в арабских странах, породили новые ограничения, но также создали и новые возможности. Эти события спровоцировали развитие новых тенденций, форм и мотивов движения товаров, сырья, капитала, рабочей силы, технологий и знаний, а также создали новые перспективы для интеграции и организации логистических потоков. Происходит пересмотр экономических планов и возможностей для национальных экономик, определяются новые основы для их экономической самостоятельности, вырабатываются новые формы и принципы сотрудничества в рамках региона и субрегионов, а также во взаимодействии с внешними игроками. Происходит поиск новых внешних опор для сбалансирования политической и экономической систем региональных отношений и вхождения в мировые системы на более выгодных условиях.

Экономический рост в странах Аравии, Алжире и Египте наряду с реконструкцией и восстановлением экономик Ливии, Сирии, Ливана, Ирака и Йемена при обязательном участии внешних игроков может обозначить начало периода нового подъема региона. В ином случае, что более вероятно по политическим причинам, продолжится процесс фактического выделения в регионе «очагов стабильности и процветания» и «очагов хаоса и бедности» в условиях инерционного характера экономического развития большинства стран.

Глава 3. Внутриполитическая и социально-экономическая ситуация в Исламской Республике Иран

Дунаева Е.В.

Внутриполитическая ситуация в Иране в последние годы развивается под влиянием экономической конъюнктуры, ухудшающейся в результате наложенных санкций со стороны США и ряда других стран, следующих в фарватере американской политики, а также некоторых внешнеполитических факторов.

ИРИ в 2018–2020 гг. пережила период резкого падения темпов экономического роста как результат нефтяного эмбарго и пандемии коронавируса. К 2021 г. удалось несколько стабилизировать ситуацию в экономике. Постепенное наращивание объемов экспорта нефти, наблюдаемое в 2022–2023 гг., позволило увеличить ВВП в 2022 г. на 3,8%, а, по прогнозам Всемирного банка, в 2023 г. показатель достигнет 4,1%. Таким образом, Иран смог опередить ОАЭ (3,4%) и Саудовскую Аравию (-0,9%)⁷⁹. По данным иранской статистики, рост ВВП за апрель-июнь 2023 г. составил 7,9% в текущих ценах⁸⁰. Помимо нефтяного сектора рост ВВП обеспечивают секторы услуг, промышленности, транспорта. Однако такие оптимистические показатели не отражают реального положения в экономике, хотя ее рост и свидетельствует о том, что Иран приспособился к санкциям. Однако эти положительные сдвиги не проявляются в улучшении благосостояния основной массы населения. Сохраняется высокий уровень инфляции: в 2022 г. — 47%, в 2023 г. — 42,6%⁸¹, что приводит к падению уровня жизни иранцев и усиливает неравенство доходов. Необходимо отметить, что в 2023 г. наблюдается некоторое снижение продовольственной инфляции, и Иран в прогнозах Всемирного банка уже исключен из списка 10 стран мира с наибольшим уровнем инфляции на продукты питания. Сохраняется достаточно высокий уровень безработицы — 9%, среди женского населения — 15,6%, а среди молодежи — 35%⁸². Растет уровень бедности, хотя правительство ежегодно повышает размер зарплат и пособий. Активную поддержку населению оказывают исламские фонды и духовенство за счет вакфной собственности⁸³.

Нерешенной проблемой для страны остается девальвация иранского риала, который остро реагирует на все политические события и изменения эко-

⁷⁹ Balancing Act: Jobs and Wages in the Middle East and North Africa When Crises Hit. Mena Economic Update // World Bank Group. 06.10.2023. P. 8. URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/978-1-4648-2035-9>

⁸⁰ Рост экономики Ирана на 7,9% весной 1402 г. (на перс.: رشد 7/9 درصدی اقتصاد ایران در بهار 1402) // Kayhan. 25.09.2023. URL: <https://kayhan.ir/fa/news/273633/>

⁸¹ Balancing Act: Jobs and Wages in the Middle East and North Africa When Crises Hit. Mena Economic Update // World Bank Group. 06.10.2023. P. 12. URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/978-1-4648-2035-9>

⁸² Там же.

⁸³ Ваф — имущество (земельная собственность, недвижимость, деньги, ценные бумаги), переданные религиозным организациям на благотворительные цели.

номических показателей и в значительной степени обуславливает инфляцию. Все попытки правительства стабилизировать курс сводятся на нет. Так, резкое обострение ситуации на Ближнем Востоке 7 октября 2023 г. вновь значительно снизило курс риала. Соотношение валют составляет 510 тыс. риалов за долл.⁸⁴, что в 12 раз ниже уровня конца 2016 г.⁸⁵.

В течение последних лет наблюдается рост дефицита бюджета, сохраняется отрицательное сальдо торгового баланса без нефти. Так, за 2022 г. торговый дефицит составил более 6 млрд долл. За шесть месяцев 2023 г. (апрель–сентябрь) при объеме ненефтяного экспорта в 24,14 млрд долл. импорт составил 30 млрд⁸⁶. Однако рост экспорта иранской нефти, прежде всего в Китай, улучшает ситуацию. В 2022 г. ИРИ получила 42,6 млрд долл. доходов от нефти⁸⁷. Транзитные перевозки через территорию страны выросли на 14%, что в немалой степени связано с выстраиванием Россией новых экспортно-импортных маршрутов через Иран, а также активизацией Тегераном торговли со странами ЕАЭС и соседними государствами, что повышает долю услуг во внешней торговле ИРИ.

Груз экономических проблем обостряет социальные. В Иране с 2021 г. активизировалась внешняя миграция. Почти 85 тыс. человек ежегодно покидает страну, причем значительная часть эмигрантов — представители интеллигенции, деятели культуры, врачи, менеджеры среднего и низшего звена. Растет и численность иранцев, работающих дистанционно в других странах.

Тенденция «утечки мозгов» признается в Иране одной из наиболее актуальных проблем, так как средний возраст мигрантов 23 года⁸⁸, а в стране ежегодно сокращаются темпы прироста населения. Из-за этого происходит рост численности населения старших возрастных групп, что усиливает нагрузку на социальные и пенсионные фонды, переживающие кризис в связи с нехваткой денежных средств. Уровень дотаций пенсий отстает от уровня инфляции. Кроме того, Иран сталкивается с рядом других экономических и социальных проблем, среди которых можно выделить задержки с выплатами зарплат и пособий; закрытие или приостановку деятельности отдельных предприятий; водный кризис, сильно затронувший сельское хозяйство страны и осложнивший жизнь в ряде южных районов, особенно в провинции Систан и Белуджистан; отсутствие постоянной работы; жилищные проблемы; снижение уровня медицинского обслуживания; нехватку учителей в ряде районов Ирана. Эти проблемы вызывают рост недовольства иранцев, которое проявляется в протестных акциях.

⁸⁴ Bonbast. Live exchange rates in Iran's free market // Bonbast.com. URL: <https://www.bonbast.com/>

⁸⁵ В 2016 г. начал осуществляться СВГД, и с Ирана были сняты международные санкции.

⁸⁶ Внешняя торговля страны достигла 54,6 млрд долл. / рост внешнего транзита – 8,24% (на перс.: تجارت خارجی کشور به ۵۴.۶ میلیارد دلار رسید/ رشد ۸.۲۴ درصدی ترانزیت خارجی // IRNA. 30.09.2023. URL: <https://irna.ir/xjNzvw>

⁸⁷ Нефтяные доходы Ирана превысили 42 млрд долл. (на перс.: درآمدهای نفتی ایران از مرز ۴۲ میلیارد دلار گذشت // Shana News Agency. 19.08.2023. URL: www.shana.ir/news/477101/

⁸⁸ Ежегодник иранской иммиграции 1401 г. (на перс.: ۱ سالنامه مهاجرتی ایران ۱۴۰۱ // Iran Migration Observatory. URL: <https://imobs.ir/outlook/detail/22>

В 2017–2022 гг. частота выступлений стала нарастать. В декабре 2017 г. — январе 2018 г. и в ноябре 2019 г. страну охватили протесты, на которых выдвигались экономические лозунги, однако в отдельных местах прозвучали призывы к смене власти. В 2020–2021 гг. проходили разрозненные уличные выступления и забастовки в разных городах Ирана, в ходе которых выражалось недовольство экономической и экологической ситуацией в стране.

С приходом к власти нового правительства Эбрахима Раиси в сентябре 2021 г. наблюдался спад протестной активности: население надеялось на изменение ситуации и в экономике, и в социальной сфере. Однако уже по прошествии года стало ясно, что переговоры по восстановлению Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) остановлены, соответственно, не ясны условия и сроки снятия финансово-экономических санкций. Новый кабинет за это время не сумел выполнить своих предвыборных обещаний и стабилизировать экономическую ситуацию.

Избрание президентом Эбрахима Раиси и формирование его кабинета, состоящего в основном из бывших служащих Корпуса стражей исламской революции (КСИР), военных, руководителей исламских фондов и членов правительства периода 2005–2013 гг., т.е. сторонников бывшего президента Махмуда Ахмадинежада, завершили процесс консолидации власти в руках консервативно настроенных политико-религиозных элит, вытеснив из всех структур сложной политической системы ИРИ представителей умеренно-либерального спектра. Выход США в период президентства Дональда Трампа из ядерного соглашения с Ираном серьезно подорвал позиции либералов и лишил их поддержки электората. Кроме того, это ослабило позиции даже умеренно консервативно настроенных кругов, которых не допустили до участия в президентских выборах 2021 г. Попытки умеренных консерваторов объединиться пока не привели к успеху. Ситуацию осложняет и процесс смены поколений в политических элитах.

Сложившейся ситуацией воспользовались консерваторы-фундаменталисты⁸⁹, подняв лозунги продвижения идей исламской революции, обеспечения социальной справедливости и опоры на традиционные исламские ценности. Стремясь приостановить процессы социальной модернизации, которые происходят в Иране, они потребовали от правительства ужесточить контроль над соблюдением исламских норм поведения и одежды в общественных местах, поставить преграды на пути распространения молодежной «прозападной» культуры. Введение ограничений вызвало недовольство, в первую очередь, в молодежной среде, которое было поддержано интеллигенцией, предпринимателями, средними городскими слоями. К протестам присоединился ряд этно-религиозных меньшинств. Беспрецедентное по масштабам, активности действий и остроте лозунгов оппозиционное движение развернулось в Иране в сентябре–декабре 2022 г.

Нельзя не отметить, что западные персоязычные СМИ активно призывали

⁸⁹ Иранские СМИ называют радикалов и фундаменталистов *tondravan* (перс. яз.).

к протестам. По данным руководства ИРИ, оппозиционные правительству организации из-за рубежа так же, как и спецслужбы некоторых государств, спонсировали и организовывали вооруженные акции⁹⁰. В то же время нет сомнений в том, что основные причины выступлений носят эндогенный характер и связаны со сложившейся экономической, социально-культурной и внутривнутриполитической ситуацией.

Протестная кампания, которая внешне представлялась как борьба женщин против обязанности носить хиджаб, вскрыла корни недовольства, накопившегося в иранском обществе. Кроме того, протесты продемонстрировали его стремление к реформам в рамках существующего строя, а также раскрыли тот факт, что современный социум разделен, и большинство иранцев не испытывают доверия к власти⁹¹. Несмотря на то, что оппозиционное движение было жестко подавлено, недовольство действиями властей проявляется в других формах, в основном в риторике в соцсетях. Еще одной формой выражения гражданской позиции становится снижение уровня политического участия, отсутствие интереса к существующим политическим партиям и организациям, а также системе выборов. Резкое снижение явки на голосование ставит под вопрос легитимность власти в восприятии населением Ирана. Так, в президентских выборах 2021 г. приняло участие 48,8% избирателей, а в Тегеране этот показатель составил всего 26%⁹². Руководство страны серьезно обеспокоено проблемой привлечения электората на парламентские выборы, которые состоятся 1 марта 2024 г.⁹³

Консолидация всех государственных институтов в руках консервативного течения и централизация власти вопреки прогнозам усилили фрагментацию в лагере консерваторов, обострили отношения между ветвями власти и усугубили внутриэлитное противостояние. В меджлисе активно критикуют деятельность правительства, которое считают некомпетентным и неэффективным. За два года президентства Эбрахима Раиси были заменены шесть министров и ряд руководителей государственных организаций.

Внутри парламента также наблюдается идеологическое противостояние. Наиболее радикальные консерваторы требуют принятия Закона о контроле виртуального пространства. Закон о хиджабе и нравственности в целом уже одобрен меджлисом. Последний вызывает недовольство не только в широких кругах общества, но и в религиозных элитах, поскольку предусматривает большие штрафы и наказания за несоблюдение исламских норм одежды в общественных местах. Представляется, что усиление исламского

⁹⁰ Верховный лидер Ирана обвинил США и Израиль в разжигании беспорядков // МИА «Россия Сегодня». 03.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221003/iran-1821156238.html>

⁹¹ Социальные проблемы и вызовы для иранского народа (на перс.: چالش های اجتماعی مردم ایران // Monoppy. 01.07.2023. URL: <https://monoppy.ir/مشکلات-و-چالش-های-اجتماعی-مردم-ایران/>

⁹² Некоторые цифры по итогам президентских выборов 1400 г. (на перс.: بازخوانی چند عدد و رقم درباره انتخابات ریاست جمهوری 1400 // Khabaronline News Agency. 18.06.22. URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1642480/1400-بازخوانی-چند-عدد-و-رقم-درباره-انتخابات-ریاست-جمهوری-۱۴۰۰>

⁹³ Вахиди: Нет более важного приоритета, чем выборы и участие в них народа. (на перс.: وحیدی: وجود ندارد: ۱۴۰۲ مهتر از انتخابات و مشارکت مردم در ۱۴۰۲ // Iranian Students' News Agency. 15.05.2023. URL: <https://www.isna.ir/news/1402022516429/>

радикализма в социальной сфере, сужение пространства для деятельности политических партий либеральной ориентации, лояльных правительству, и организаций гражданского общества, значительно сокращает социальную опору власти. Нерешенность бытовых проблем будет стимулировать рост недовольства. В этих условиях попытки навязывания сверху ограничений в общественно-культурной сфере лишь расширят брешь между обществом и властью.

На протяжении почти 45 лет с момента революции Ирану, несмотря на политическое и психологическое давление извне, военные операции и экономические санкции, удавалось сохранять стабильность и нивелировать внутренние конфликты. При этом страна укрепляла свои позиции на внешнеполитическом треке как мощная региональная держава. Несмотря на широкое протестное движение осени 2022 г., Иран сохраняет стабильность государственной власти и прилагает усилия для решения экономических проблем. В то же время усиление фундаментализма во внутренней политике и ужесточение контроля над общественной и культурной сферами ведет к росту недовольства в обществе и в перспективе может стать серьезным вызовом власти.

Глава 4. Внутривполитическая ситуация в Турецкой Республике

Гаджиев А.Г.

2023 г. является юбилейным для Турецкой Республики, государству исполнилось 100 лет. На протяжении последних двух десятилетий страной неизменно правит Партия справедливости и развития (ПСР), которую возглавляет нынешний президент республики Реджеп Тайип Эрдоган. За период пребывания ПСР у власти в стране были проведены многочисленные реформы.

Придя к власти в 2002 г. под лозунгом «все для Турции», ПСР в качестве своей главной цели провозгласила построение современного демократического государства и интеграцию страны с Европейским союзом. Для лидеров ПСР (которую многие политологи охарактеризовали как «происламскую», «умеренно-исламскую» и т.д.) было важно на первых порах своего пребывания у власти продемонстрировать совместимость ислама с демократией и светскостью⁹⁴. Примечательно, что именно на этот период пришелся наиболее значительный прорыв в отношениях Турции и ЕС. В результате, в 2004 г. Еврокомиссия рекомендовала начать переговоры о приеме республики в состав Евросоюза в качестве полноправного члена⁹⁵.

После победы на очередных парламентских выборах в 2007 г. ПСР перешла к стадии кардинальных преобразований в системе государственного управления. Ревизии были подвергнуты практически все основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность ключевых структур государственного аппарата Турецкой Республики. Кроме того, были внесены важные поправки в основной закон страны. После двух успешно проведенных конституционных референдумов (в 2007 г. и 2010 г.) ПСР в 2010 г. выдвинула концепт «новой Турции». Рубежным этапом развития провозглашался 2023 г., к которому страна должна была подойти, демонстрируя региональное превосходство по целому ряду параметров⁹⁶. Лидеры ПСР поставили перед собой амбициозные задачи — превратить Турцию сначала в «силу, влияющую на характер международного развития», затем — во «влиятельного глобального игрока»⁹⁷.

В 2018 г. лидерами ПСР был введен в политический дискурс термин «сильная Турция». Предполагалось, что во внутренней политике страна должна опираться на «сильное правительство», а в реализации внешнеполитического курса следует сочетать инструменты «мягкой» и «жесткой» силы, таким образом формируя так называемую «ось Турции» на базе качест-

⁹⁴ Сулейманов А. Партия справедливости и развития: 10 лет у власти в Турции // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 2. С. 4-9.

⁹⁵ Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики: колл. монография / отв. ред. А.Г. Гаджиев. Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2023. С. 138.

⁹⁶ Ульченко Н.Ю. Новый путь Турции? // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 90-101.

⁹⁷ Евсеев В.В., Пивоваренко А.А., Гаджиев А.Г. Влияние политики Турции на страны Балканского региона // Геоэкономика энергетики. 2021. № 4. С. 70-95.

венно новой интерпретации внешнеполитической многовекторности. Такой подход предполагал не «смещение оси» с Запада на Восток, а укрепление сотрудничества с различными игроками и объединениями в интересах Анкары как одного из новых центров силы многополярного мира.

Основные тезисы концепции «ось Турции» легли в основу видения «Столетие Турции», которое было провозглашено в предвыборной программе ПСР в 2023 г.

Текущая общественно–политическая обстановка в стране

В мае 2023 г. в Турции прошли очередные президентские и парламентские выборы. Реджеп Тайип Эрдоган и возглавляемая им политическая коалиция «Народный альянс», в которую вошли ПСР, Партия националистического движения (ПНД), Партия великого единства (ПВЕ) и Новая партия благоденствия (НПБ), снова одержала победу. Выборы оказались одним из наиболее сложных и напряженных избирательных процессов в Турции за последние два десятилетия. Одним из важнейших политических итогов майских выборов стал раскол оппозиционного «Блока нации», состоявшего из шести партий⁹⁸. Более того, представители отдельных оппозиционных партий начали сближаться с действующей властью. В таких условиях в стране стартовала подготовка к следующим выборам — муниципальным, которые должны состояться в марте 2024 г. Сторонники правящей партии объявили, что намерены на этих выборах взять реванш за поражения в крупнейших городах страны, понесенные в ходе последних выборов в местные органы власти, прошедших в 2019 г. Следует отметить, что расчеты ПСР с учетом нынешнего раскола оппозиции выглядят обоснованными.

Нынешнее турецкое правительство, по мнению ряда политологов, отличается своим технократическим характером. Это, с их точки зрения, является неким сигналом обществу о том, что власти намерены выполнить обещания, данные в ходе предвыборной кампании. Правящая коалиция, таким образом, пытается перетянуть на себя колеблющийся электорат⁹⁹. Однако, на наш взгляд, дело обстоит не совсем так. Одним из ключевых критериев назначения на посты глав ведомств стали не достижения в профессиональной деятельности, а степень лояльности к первому лицу государства. К тому же некоторые министры из предыдущего кабинета сохранили свои позиции. Поэтому говорить о полном обновлении турецкого правительства и технократическом правлении не приходится.

⁹⁸ «Блок нации» состоял из следующих политических партий: 1) Народно-республиканская партия (НРП) во главе с Кемалем Кылычдароглу; 2) «Партия человечности, новаций и добра» («Хорошая партия», ХП) во главе с Мераль Акшнер; 3) «Партия счастья» (ПС) во главе с Темелем Карамоллаоглу; 4) «Партия демократии и прорыва» (ПДП) во главе с Али Бабаджаном; 5) «Партия будущего» (ПБ) во главе с Ахметом Давутоглу; 6) Демократическая партия (ДП) во главе с Гюльтекином Уйсалом.

⁹⁹ Чинкара Г. Новый срок президента Эрдогана и новый кабинет министров: первое технократическое правительство второй республики (на турецк.: Çinkara G. Cumhurbaşkanlığı Erdoğan'ın yeni dönemi ve yeni kabinesi: II. Cumhuriyet'in I. Teknokrat Hükümeti) // Independent Turkish. 12.06.2023. URL: <https://www.indyturk.com/node/639026/türkiyeden-sesler/cumhurbaşkanı-erdoğanın-yeni-dönemi-ve-yeni-kabinesi-ii-cumhuriyetin>

После майских выборов 2023 г. позиции Реджепа Тайипа Эрдогана как лидера страны укрепились, а полномочия главы государства расширились. В свою очередь, влияние оппозиционных сил на процессы принятия политических решений заметно снизилось. Президент Турции сосредоточил в своих руках не только значительную часть исполнительной власти, но и усилил контроль и давление на законодательную и судебную ветви власти, что, по большому счету, противоречит принципу разделения властей и ставит под сомнение эффективность нынешней системы сдержек и противовесов.

Напомним, что в результате упразднения в 2018 г. офиса премьер-министра и переподчинения целого ряда государственных структур администрации президента, равно как и внедрения практики назначения советников, бюрократический аппарат Турции претерпел серьезные изменения. Парламент страны лишился многих контрольно-надзорных функций, фактически утратил механизм прямого контроля над деятельностью правительства и стал более ограниченным в применении импичмента в отношении главы государства. Кроме того, в результате введения в действие практики президентских указов, фактически произошла узурпация законодательной власти в части ее прерогативных функций.

Мегапроекты Эрдогана и социально-экономические проблемы

В настоящее время Реджеп Тайип Эрдоган реализует идею превращения Турции в региональный логистический центр, энергетический хаб и международную транспортную артерию для доставки продовольственных грузов. Полноценный запуск всех этих транзитных инициатив может заметно повысить региональное значение Турции, а также предоставить средства для пополнения государственной казны. Анкара в настоящее время уже пожинает политические выгоды от начала частичной реализации некоторых из этих проектов, и, очевидно, их монетизация не заставит себя долго ждать. Руководство Турции прилагает большие усилия для того, чтобы данные инициативы были реализованы в установленные сроки.

На 2023–2024 гг. запланирован запуск целого ряда крупных инфраструктурных объектов, в том числе в сфере промышленности, энергетики и логистики. Некоторые действующие проекты как в сфере инфраструктуры, так и в сфере высоких технологий, которые были инициированы в период правления ПСР, планируется расширить и вывести на новый уровень. Особого внимания заслуживает прогресс в сфере военно-промышленного комплекса. В состав турецкого оборонно-промышленного комплекса входят десятки предприятий, которые представлены в ряде основных отраслей. Турецкий ВПК участвует в реализации национального плана развития, рассчитанного на 2019–2023 гг. Предполагается, что к концу 2023 г. национальная военная промышленность должна обеспечивать 75% потребностей своей армии¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Кучукоглу М. Влияние развития оборонной промышленности Турции на экономику (2000–2023 гг.) (на турецк.: Kıcıkoğlu M. Türk Savunma Sanayisindeki Gelişmelerin Ekonomiye Etkileri (2000-2023)) // DergiPark. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/3032204>

Тенденции, наблюдаемые в оборонной промышленности Турции в последние годы, свидетельствуют о достижимости данной цели.

Турецкая военная промышленность продолжает развиваться и демонстрировать новые успехи. Несколько образцов, в частности, из числа беспилотной авиатехники, а также проекты военного кораблестроения, противовоздушной обороны и др. доведены до производства и продаж, имеют место серьезные вложения в перспективные разработки и обновление производственных мощностей. В то же время в военно-промышленной сфере сохраняются негативные факторы и риски, такие как отказ третьих стран от поставки необходимых изделий. Так или иначе, за последние 10–15 лет Турция смогла провести крупную модернизацию своего военно-промышленного комплекса, благодаря чему страна получила ряд новых возможностей, в частности, укрепила собственный промышленный потенциал, значительно увеличив долю компонентов национального производства в конечной продукции военного и двойного назначения. Эти возможности теперь используются для развития турецкой армии и экспорта вооружения за рубеж, и здесь ситуация в целом располагает к оптимистичным прогнозам.

После победы на выборах в мае 2023 г. Реджеп Тайип Эрдоган столкнулся с острой необходимостью трансформировать экономическую политику государства. Национальная валюта продолжала терять позиции, инфляция сохранялась на высоком уровне, а рассчитывать на бюджетные средства не приходилось, так как все возможные лимиты уже были исчерпаны в ходе принятия предвыборных популистских мер. Турецкий лидер был вынужден прислушаться к сторонникам традиционной экономической политики, отказавшись от собственного эксперимента, и согласиться почти вдвое повысить ключевую процентную ставку. Однако этого оказалось недостаточно: лира продолжила обесцениваться, преодолев 23 июня 2023 г. отметку 25 за доллар и обновив, таким образом, исторический минимум¹⁰¹.

В то же время, рыночное снижение курса турецкой лиры позволило экспортерам восстановить конкурентоспособность своей продукции и предоставило Центробанку Турции возможность пополнить валютные резервы. Правительству удалось решить проблему бюджетного дисбаланса, возникшего во многом в результате затрат на восстановление после землетрясений февраля 2023 г. и реализацию предвыборных обещаний, в том числе за счет повышения налогов. По прогнозам экспертов, ужесточение денежно-кредитной политики в Турции может продолжиться вплоть до муниципальных выборов 2024 г. Таким образом, можно предположить, что в краткосрочной перспективе инфляция в стране будет оставаться на довольно высоком уровне¹⁰².

¹⁰¹ Коннов М. Турция стоит на пороге глубокого кризиса. Как победивший на выборах Эрдоган собрался спасти экономику и валюту? // Lenta.Ru. 24.06.2023. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/06/24/turkiye/>

¹⁰² Не все так плохо: опубликован комплексный анализ турецкой экономики // EADaily. 12.08.2023. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/08/12/ne-vse-tak-ploho-opublikovan-kompleksnyy-analiz-tureckoy-ekonomiki>

Помимо падения курса турецкой лиры, роста цен и последствий февральских землетрясений, в Турции остро стоит проблема, связанная с чрезмерным наплывом в страну беженцев и мигрантов. Согласно данным турецкого правительства, предоставленным Управлению верховного комиссара ООН по делам беженцев, число беженцев из Сирии, зарегистрированных в Турции по состоянию на 14 сентября 2023 г., составляло более 3,2 млн человек¹⁰³. По неофициальным данным число сирийских беженцев, проживающих в стране, превысило 5 млн человек¹⁰⁴. Помимо сирийских иммигрантов, в Турции в настоящее время находятся беженцы и мигранты из Афганистана, Ирака, Ирана, Сомали и других стран.

Проблемы в области безопасности

Непрерывные потоки нелегальных мигрантов в страну воспринимаются многими турецкими политиками и экспертами не только как социально-экономическая проблема, но и как угроза национальной безопасности. Особую остроту проблема получила после того, как в одном из самых людных мест Стамбула 13 ноября 2022 г. был совершен теракт, в результате которого погибли 6 человек и более 80 человек получили ранения различной степени тяжести. Исполнителем теракта оказалась Ахлам Альбашир, 23-летняя гражданка Сирии, которая, по данным турецких правоохранительных органов, проходила обучение у американских военных инструкторов в разведшколе Рабочей партии Курдистана (РПК) в Сирии. По некоторым данным, в Стамбул она прибыла нелегально, через Африн¹⁰⁵.

В предыдущие годы турецкие города неоднократно подвергались нападениям со стороны РПК, которая борется за создание курдской автономии в Турции и Сирии. После теракта в Стамбуле турецкие СМИ вновь начали обращать внимание на масштабы угрозы, с которой столкнулась Турция из-за своей миграционной политики.

Кроме того, после теракта 2022 г. попытки турецких властей улучшить отношения с прокурдскими политическими силами, в том числе с Демократической партией народов (ДПН), столкнулись с практически непреодолимым препятствием в виде резкого роста негативного отношения к возобновлению процесса мирного решения курдской проблемы со стороны подавляющего большинства турецких граждан. При таких обстоятельствах можно предположить, что в отношении решения курдской проблемы в Турции и далее будут преобладать преимущественно силовые методы.

¹⁰³ Число сирийцев в Турции, сентябрь 2023 г. (на турец.: Türkiye'deki Suriyeli Sayısı Eylül 2023) // RASAS. 14.09.2023. URL: <https://multeciler.org.tr/turkiyedeki-suriyeli-sayisi/>

¹⁰⁴ Умит Оздаг: «Я обращаюсь к Эрдогану. Наполнив страну миллионами людей, вы поставили под угрозу безопасность турецкого народа и лишили его благосостояния» (на турец.: Ümit Özdağ: "Buradan Erdoğan'a sesleniyorum. Sen milyonları buraya doldurarak Türk halkının güvenliğini tehlikeye attin, refahını elinden aldın") // Anka Haber Ajansı. 01.07.2023. URL: https://ankahaber.net/haber/detay/umit_ozdag_buradan_erdogana_sesleniyorum_sen_milyonlari_buraya_doldurarak_turk_halkinin_guvenligini_tehlikeye_attin_refahini_elinden_aldin_145824#

¹⁰⁵ Интересная деталь о террористе, залившем кровью улицу Истикляль: адрес – Нью-Йорк? (на турец.: İstiklal Caddesi'ni kana bulayan teröristle ilgili ilginç detay: Adres New York mu?) // Yeni Safak. 15.11.2022. URL: <https://www.yenisafak.com/foto-galeri/gundem/istiklal-caddesini-kana-bulayan-teroristle-ilgili-ilginc-detay-adres-new-york-mu-2072791/1>

После теракта в Стамбуле в сторону ужесточения была пересмотрена и миграционная политика Анкары, особенно в отношении политики «открытых дверей» для сирийских беженцев. В последнее время заметно активизировалась деятельность турецких властей по выявлению и депортации нелегальных иммигрантов.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время позиции Реджепа Тайипа Эрдогана и политической коалиции, которую он возглавляет, продолжают укрепляться. В общественно-политическом плане этому во многом способствует окончательный раскол оппозиционного блока по итогам выборов в мае 2023 г., а также бескомпромиссная риторика турецкого лидера, которую он использует в отношении Израиля в условиях резкого обострения палестино-израильского конфликта, что способствует консолидации вокруг турецкого президента не только консервативного религиозного электората, который и без того поддерживает действующую власть, но и сторонников других политических сил страны.

Вдохновленные такой поддержкой сторонники ПСР настроены по итогам муниципальных выборов, которые пройдут в марте 2024 г., вернуть себе контроль над ключевыми мегаполисами государства. Необходимо отметить, что с учетом текущей общественно-политической ситуации в стране данная задача выглядит гораздо более осуществимой, нежели на последних выборах в местные органы власти. Более того, такой перспективе могут в некоторой степени способствовать мегапроекты в сфере промышленности, транспорта и энергетики, начатые и во многом завершенные в период правления ПСР, которые позволяют Турции стать полноценным региональным логистическим и энергетическим центром. При этом следует отметить, что основные проблемы социально-экономического характера, преимущественно связанные как с сохранением высокого уровня инфляции, так и с чрезмерным наплывом беженцев и мигрантов, остаются на повестке дня, периодически трансформируясь в существенные риски в области безопасности.

Глава 5. Основные внутривнутриполитические тенденции в Государстве Израиль¹⁰⁶

Хлебникова Л.Р.

На протяжении последних как минимум 10 лет политический кризис в Израиле продолжал нарастать, достигнув своего апогея в последние годы. Особенно ярко это проявилось в пяти внеочередных выборах за три года (2019–2022 гг.), а также неспособности создать стабильную политическую коалицию.

Начавшиеся в 2023 г. протесты против предложенной судебной реформы, которую стала продвигать правительственная коалиция во главе с Беньямином Нетаньяху, оказались самыми длительными за всю историю страны. Эти события продемонстрировали глубокие линии разлома в обществе.

Политическая нестабильность вкупе с неэффективным управлением и другими неурегулированными социально-политическими вопросами повлияли на неспособность отразить угрозу безопасности в начале октября 2023 г. Была продемонстрирована полная дисфункциональность израильской системы, стоившая жизни, по официальным данным, более 1,4 тыс. израильтян¹⁰⁷. Несмотря на то, что еще рано говорить о долгосрочных последствиях атаки ХАМАС на Израиль 7 октября, она уже вошла в израильскую историю, как один из политических и военных провалов государства по защите населения. Очевидно, что для израильской нации — это коллективная травма.

К началу 2020-х гг. несмотря на то, что страна уже превратилась в региональный центр силы, Израиль продолжал сталкиваться с разного рода вызовами. На развитие государства продолжают влиять глобальные и региональные тренды, но есть и специфические внутренние социально-политические тенденции.

Рост антидемократических тенденций в Израиле

Полемика о том, как можно охарактеризовать политический режим Израиля давно ведется между учеными по обе стороны Атлантики. Мнения сильно разнятся: Израиль относят как к (не)либеральной демократии, демократии с четырьмя отклонениями (Б. Ньюбергер), этнической демократии (С. Смуха) и даже к этнократии (О. Йифтахель)¹⁰⁸. Известный российский израилювед Т.А. Карасова в своей статье с М. Штереншисом использует тер-

¹⁰⁶ Автор выражает благодарность и признательность к.и.н., ведущему научному сотруднику Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН Т.В. Носенко за важные комментарии и замечания к тексту работы.

¹⁰⁷ FM Cohen addresses UN Security Council // Israel Ministry of Foreign Affairs. 24.10.2023.
URL: <https://www.gov.il/en/departments/news/fm-cohen-addresses-un-security-council--24-oct-2023>

¹⁰⁸ Основные позиции и дебаты представлены в главе Б. Ньюбергера. См.: Neuberger B. From Liberal Democracy to Ethnocracy: Different conceptions of Israel's Democracy. Handbook of Israel: Major Debates. (eds. by Ben-Rafael E. etc). Volume 1. De Gruyter. 2016. P. 705-740.

мин «мультикратия с демократической доминантой»¹⁰⁹. Важно то, что политический режим Израиля не был статичным, на его развитие влияли внутривластные и внешнеполитические факторы. В целом, политическая система и культура Израиля всегда была полна различных демократических и антидемократических элементов. Заложенный в самое основание государства еврейский и демократический характер не сразу проявил свой конфликтный потенциал. В последние годы становится очевидным, что еврейский характер государства стал преобладать над демократическим. И это влияет не только на израильских граждан, но и на палестинцев на Западном берегу р. Иордан, в Восточном Иерусалиме и в секторе Газа.

Израиль является парламентской республикой, поэтому на основании результатов выборов в Кнессет (с 1996 г. по 2001 г. проходили прямые выборы премьер-министра) с одобрения президента создается коалиционное правительство. Таким образом, в Израиле принцип разделения властей является «гибким», т.е. существует специфика взаимодействия исполнительной и законодательной властей. Глава правительства, премьер-министр страны — это лидер партии, набравшей большинство голосов на выборах, получивший мандат президента и способный создать коалицию. Кнессет осуществляет контроль за деятельностью правительства. В свою очередь, Верховный суд (или Высший суд справедливости) следит за деятельностью Кнессета, имея возможность отменить принятые законы, которые, с точки зрения судей, не соответствуют Основным законам Государства Израиль.

С 1990-х гг. стал усиливаться «судебный активизм» Верховного суда, особенно после принятия Основного закона о достоинстве и правах гражданина 1992 г. Это позволило разным группам населения добиваться успеха в борьбе за реализацию своих прав в Израиле. Созданная в 1996 г. правозащитная группа «Адала», борющаяся за права арабов в Израиле и палестинцев на разных частях Западного берега р. Иордан, выиграла большое число дел в Верховном суде. В 2023 г. предложенная министром юстиции Яривом Левином судебная реформа¹¹⁰ воспринималась частью общества как антидемократический шаг с целью ослабить Верховный суд и сделать его подконтрольным действующей власти.

В последние десятилетия особенно ярко проявился кризис лидерства в Израиле. Самая узнаваемая и опытная политическая фигура последних 15 лет — это глава секулярной, правой партии «Ликуд» Беньямин Нетаньяху. Он возглавляет правительство дольше, чем первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, которого относят к поколению «отцов-основателей» государства.

¹⁰⁹ Карасова Т.А., Штереншис М. Политический режим современного Израиля. Международная аналитика. 2016. № 4. С. 30.

¹¹⁰ План судебной реформы предложен министром юстиции Яривом Левином и председателем законодательного комитета Кнессета Симхой Ротманом. Основные положения включают сокращение возможностей Верховного суда Израиля осуществлять судебный надзор за законодательными актами и передачу права назначения судей правительству. Кроме этого, согласно предложенной реформе, Кнессет сможет отменить решение Верховного суда большинством голосов (61 из 120).

В израильском обществе прослеживается падение доверия к государственным институтам, включая правительство, Кнессет и действующие партии. По данным Института изучения демократии за 2021 г., израильские еврейские респонденты меньше всего доверяют политическим партиям (10%), Кнессету (21%), правительству (25%), а больше всего — ЦАХАЛ (78%) и президенту (58%). Согласно этому же исследованию, израильские арабские респонденты больше всего доверяют Верховному суду Израиля (49%)¹¹¹.

Не менее важно и то, что израильские граждане имеют серьезные опасения о будущем демократического устройства страны. Столкновение этнонационализма и либерализма является стресс-тестом для израильской политической системы, ранее отличавшейся своей высокой адаптивностью.

Усиление влияния религии на политические процессы

Израиль не является секулярным государством. На основании соглашения «статуса-кво» между Давидом Бен-Гурионом и ультраортодоксальной партией «Агудат Исраэль» статус личности, вопросы брака и разводов, относятся к компетенции религиозных институтов и судов. В Главном раввинате доминируют ортодоксальные раввины.

На израильской политической сцене продолжают занимать важное положение партии религиозных сионистов и ультраортодоксов, без которых уже сложно сформировать коалицию, как минимум, правым партиям. Ультраортодоксальные партии, ашкеназская «Яхадут ха-Тора» (Единство Торы) и сефардская ШАС, отвергают демократические идеалы, акцентируя внимание на том, что государство должно в качестве основы взять галаху, т.е. еврейские религиозные законы. Представители политического лагеря религиозных сионистов отличаются от ультраортодоксальных партий, но в каких-то вопросах они находят точки соприкосновения.

В связи с политическими и демографическими изменениями в стране стало укрепляться влияние религии на внутривнутриполитические процессы в Израиле. И это будет приводить к усилению противоречий между светскими и религиозными группами населения в больших масштабах, чем ранее.

Ослабление политических партий в Израиле

Партийно-политическая система в Израиле формировалась еще в догосударственный период и проходила свои этапы развития. При этом, для нее всегда была характерна многопартийность и интенсивная борьба между разными блоками/партиями. Более того, может происходить слияние партий в один список или, наоборот, их раскол и выдвижение собственного списка. Наблюдается наличие партий «одной повестки», которые не доживают до следующего электорального цикла и др.

В XXI в. политические партии уже не играют ту роль, которая им отводилась ранее. Израиль не является здесь исключением, но кризис, связанный

¹¹¹ Hermann T., Anabi O., Kaplan Y., Sapozhnikova I.O. The Israeli Democracy Index 2021 // The Israel Democracy Institute. 06.01.2022. URL: <https://en.idi.org.il/articles/37858>

с партиями, его застиг позже, чем другие развитые страны. Интересно, что сам термин «партия» никогда не был популярен среди израильских политических объединений, которые предпочитали брать названия, включавшие термины «союз», «движение» и др.

Разделение израильских партий на левые, правые и центристские уже не отражает политическую реальность сегодняшнего Израиля. Среди партийного изобилия можно условно выделить левые, левоцентристские, правоцентристские, правые, а также арабские и ультраортодоксальные партии. Это приводит к увеличению числа партийных группировок, что вносит дополнительную нестабильность в политическую систему.

Главный разлом между израильскими политическими партиями проходит по вопросу о способах решения палестино-израильского конфликта. Спектр взглядов разнообразен, от радикального избавления от арабского населения путем «трансфера» до умеренного реалистичного подхода на основе принципа «два государства для двух народов». Помимо этого, наиболее заметно противостояние между светскими политиками и партийными объединениями, основанными на религиозной и национально-религиозной идеологии. Размежевание также проходит по ряду других вопросов, в том числе и по экономическим в отношении распределения бюджетных средств между группами различных интересов.

По результатам парламентских выборов в ноябре 2022 г. стало очевидно, что закрепился тренд на то, что левые партии не просто перестали доминировать на политической сцене, но и окончательно уходят в прошлое. Израильский электорат уже не голосует за левые партии, разочаровавшись в их программе и попытках урегулировать палестино-израильский конфликт. При этом доминирование исключительно правых светских или религиозных партий маловероятно. Среднестатистический израильский избиратель тяготеет к правоцентристским или левоцентристским партиям.

Рост популизма

Как и в большинстве государств мира, в Израиле процветает политический популизм, который особо остро проявляется в электоральный сезон. С одной стороны, здесь выделяется правый популизм. Беньямин Нетаньяху, который является фигурантом судебного процесса, активно использует популистские инструменты, объявляя ответственными за разного рода неудачи своей политики «левых», «СМИ» и разные группы населения, в частности арабских граждан. С другой стороны, популизм свойственен и ультраортодоксальной сефардской партии ШАС, которая выстраивает свою программу на противостоянии народа («мы») и элиты («они», под которыми могут подразумеваться ашкеназские евреи, арабы или светские евреи). Например, ее представители часто определяют как основную угрозу государству и его основам «либеральную элиту» и/или трудовых мигрантов¹¹².

¹¹² Porat G., Filc D. Remember to be Jewish: Religious Populism in Israel. Politics and Religion. 2020. P. 1-24.

Углубление раскола в обществе

Израильское общество всегда отличалось большим разнообразием этнокультурного состава. Различные группы населения нередко оказываются в конфликтных отношениях друг с другом. Фрагментированность общества затрудняет формирование единых ценностных ориентиров в стране.

Сохраняющаяся проблема социально-экономического неравенства в Израиле усугубила положение ряда групп населения. К уязвимым группам страны стоит отнести израильских арабов, ультраортодоксальных и эфиопских евреев. Для них наиболее остро стоят проблемы бедности, безработицы и т.п. На фоне неурегулированных политических и социально-экономических проблем происходит радикализация отдельных групп населения, например, религиозных сионистов, среди которых много поселенцев, живущих на оккупированных территориях Западного берега р. Иордан. Одновременно с этим прослеживается рост преступности в стране, особенно в арабском секторе.

Демографические показатели в Израиле демонстрируют, что рост численности населения продолжится. Одной из самых быстрорастущих и молодых групп являются ультраортодоксы. Согласно данным Центрального бюро статистики Израиля, к 2030 г. численность ультраортодоксальных евреев достигнет уже 16%, в том числе благодаря высокой фертильности и большому количеству детей в семье, как и развитой медицине, что снижает детскую смертность¹¹³. Наблюдается и увеличение численности израильских арабов, которые составляют 21% населения на начало 2020-х гг.¹¹⁴

Социальный портрет среднестатистического израильтянина, предположительно, будет выглядеть так: молодой (треть израильтян моложе 20 лет), религиозный, сторонник правых или правоцентристских политических взглядов.

Разнообразные конфликты, расколы, противостояния в израильском обществе имеют тенденцию к преодолению во время испытаний, подобных событиям, которые произошли в Израиле осенью 2023 г.

Внутриполитические тенденции, особенно тренд на антидемократизацию политической системы и усиление роли религии в государстве, будут оказывать влияние не только на характер Израиля, но и на курс его развития. Корректировку могут вносить многочисленные вызовы глобального и регионального характера, особенно вопросы безопасности и климатические изменения. Среди них выделяется то, что неурегулированный палестино-израильский конфликт останется одной из ключевых угроз безопасности и сохранения демократического режима Израиля.

¹¹³ Cahaner L., Malach G. Statistical Report on Ultra-Orthodox Society in Israel // The Israel Democracy Institute. 31.12.2022. URL: <https://en.idi.org.il/haredi/2022/?chapter=48263>

¹¹⁴ Haddad Haj-Yahya N., Khalaily M., Rudnitzky A. Statistical Report on Arab Society in Israel 2021 // The Israel Democracy Institute. URL: <https://en.idi.org.il/media/18218/statistical-report-on-arab-society-in-israel-2021.pdf>

Глава 6. Основные тенденции во внешней политике стран Ближнего Востока

Бочаров И.А.

Происходящие на Ближнем Востоке процессы способствуют реконфигурации системы региональных отношений. В то же время, основные тенденции, которые наблюдаются в регионе, — это во многом продолжение тех трендов, которые формировались на протяжении не одного года.

С целью выявления основных тенденций во внешней политике стран Ближнего Востока РСМД провел с марта по октябрь 2023 г. серию глубинных интервью с ведущими российскими экспертами по ближневосточной проблематике. В результате проведенного исследования было выявлено несколько тенденций во внешней политике стран региона.

Улучшение отношений между региональными игроками

В начале 2020-х гг. Ближний Восток столкнулся с последствиями крупных кризисов, вызванных пандемией *COVID-19* и конфликтом на Украине. Актуальным вызовом остается проблема беженцев, которая создает давление на и без того хрупкие экономики Турции, Ливана и других стран региона. Эксперты отмечают, что в будущем регион также будет сталкиваться с последствиями рецессии в мировой экономике и глобального потепления. Кроме того, для ряда стран Ближнего Востока возрастут угрозы продовольственной безопасности. В долгосрочной перспективе это может привести к крупным гуманитарным катастрофам.

Эксперты отмечают, что развитие региональной торговли на Ближнем Востоке пока остается на невысоком уровне, а ряд крупных интеграционных экономических проектов нельзя назвать успешными. Так, ССАГПЗ, который принял на себя в том числе экономическую функцию, показал довольно скромные успехи в экономической интеграции, в сравнении с теми задачами, которые изначально ставились перед этой организацией.

По мнению ряда опрошенных экспертов, за последние несколько лет на Ближнем Востоке сложились экономические предпосылки для улучшения отношений между странами региона. В условиях экономических вызовов, стоящих перед ближневосточными странами, формировалась все большая необходимость для сокращения издержек, которые неизбежно возникали в результате конфронтации. Данную тенденцию нельзя назвать устойчивой, и эскалация палестино-израильского конфликта осенью 2023 г. в очередной раз подтвердила, что во внешней политике идеологические противоречия часто превалируют над экономическим прагматизмом. Однако эксперты отмечают, что в долгосрочной перспективе высока вероятность того, что стремление развивать и модернизировать национальные экономики, повышать уровень жизни и развивать урбанистическую культуру постепенно будет проявляться все более отчетливо.

На протяжении первых нескольких месяцев 2023 г. на Ближнем Востоке наблюдалось продолжение тренда на улучшение отношений между государствами, находившимися в состоянии соперничества. Однако есть примеры, подтверждающие, что эта тенденция проявлялась и раньше, пусть и не так ярко. Так, в январе 2021 г. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет подписали Заявление о примирении с Катаром. Это ознаменовало завершение крупного дипломатического конфликта с Дохой, который продолжался с 2017 г.

Но, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров улучшения отношений на Ближнем Востоке (отчасти нивелированного обострением палестино-израильского конфликта) стало признание Израиля рядом арабских государств. Государство Израиль было образовано в 1948 г. и на протяжении многих десятилетий существовало во враждебном для него окружении. До 2020-х гг. Израиль поддерживал «холодный мир» с Египтом и конструктивные отношения с Иорданией и Турцией, хотя в XXI в. турецко-израильские отношения не носили столь стабильный и позитивный характер, как, например, в 1990-е гг.

Однако постепенно ситуация стала меняться, и в какой-то момент стало казаться, что Израиль перестал быть практически полностью изолированным со стороны других региональных игроков. Если раньше из стран арабского мира легитимность существования Израиля признавали только Египет и Иордания, то в 2020 г. с ним также нормализовали отношения ОАЭ, Бахрейн и Марокко. Возможно, это могло бы стать качественно новым этапом в арабо-израильской нормализации, если бы не события 7 октября 2023 г. Эксперты отмечают, что в начале 2020-х гг. Израиль стал частью региона с политической, экономической и культурной точек зрения, не говоря уже о том, что он стал частью региональной системы безопасности. По мнению ряда экспертов, в долгосрочной перспективе Израиль имеет потенциал, чтобы возглавить движение Ближнего Востока к динамично развивающемуся региону, экономика которого основана на новейших технологиях и энергетических богатствах.

Д.А. Марьясис отмечает, что сближение с Израилем, изначальной причиной которого были вопросы безопасности, переросло в экономическую кооперацию. С технологической точки зрения Израилю есть что предложить арабским странам, как в вопросах развития (например, в области водных технологий), так и с точки зрения обеспечения безопасности (в частности, в сфере кибербезопасности). Необходимость проводить технологическую модернизацию национальных экономик стала далеко не последней причиной, по которой ОАЭ, Бахрейн и Марокко пошли на нормализацию отношений с Израилем¹¹⁵.

Активизация экономического и технологического сотрудничества особенно заметна на примере израильско-эмиратских отношений. В рамках «Соглашений Авраама» были запущены инвестиционные проекты в ряде областей,

¹¹⁵ Интервью с Д.А. Марьясисом.

в том числе в сфере финансов и в сельскохозяйственной отрасли. Кроме того, было налажено сотрудничество, связанное с производством лекарств и увеличением турпотока в ОАЭ со стороны Израиля.

Внимания заслуживает обсуждение возможного подписания соглашения между Израилем, Иорданией и ОАЭ о совместном проекте в энергетической сфере. Предполагалось, что эмиратская компания построит в Иордании солнечную электростанцию, а произведенная на ней энергия будет поставляться в Израиль. В свою очередь, израильская сторона должна была бы поставлять в Иорданию опресненную воду. Однако в связи с обострением конфликта ХАМАС и Израиля и ухудшением арабо-израильских отношений маловероятно, что соглашение будет подписано в ближайшее время.

В ряде случаев налаживание сотрудничества некоторых арабских стран с Израилем было публичным, а в ряде других — носило непубличный и неформальный характер. Так, многие страны Персидского залива, включая Саудовскую Аравию, наладили неформальные связи с Израилем, в том числе по сотрудничеству в технологической сфере. Однако перспективы для формализации отношений в обозримом будущем представляются незначительными.

Отдельного внимания заслуживает заключение соглашения между Израилем и Ливаном по вопросу разграничения морских границ. Таким образом, страны, у которых нет официальных дипломатических отношений, смогли нормализовать определенную сферу в двустороннем взаимодействии.

Даже до событий 7 октября 2023 г. фактор палестинской проблемы играл важную, если не ключевую роль в арабо-израильских отношениях. Это относилось в том числе к тем странам, которые официально признали Израиль. Так, в ходе трехстороннего саммита, который состоялся в Эль-Аламейне в августе 2023 г., лидеры Египта, Иордании и Палестинской национальной администрации (ПНА) выступили с критикой Израиля с связи с нарушением прав палестинцев. Кроме того, они потребовали прекратить рейды израильских сил безопасности в мечеть Аль-Акса, снять блокаду сектора Газа и разблокировать 39 млн долл., которые были предназначены для ПНА и удержаны Израилем¹¹⁶. Примечательно, что на фоне появления сообщений о готовящемся соглашении по нормализации саудовско-израильских отношений Саудовская Аравия впервые назначила своего посла в ПНА. Таким образом, Эр-Рияд в очередной раз подтвердил свою принципиальную позицию по палестинской проблеме.

В выстраивании отношений с арабским миром Израиль стремился отделить нормализацию от палестинского фактора. Однако, как отмечает В.Ю. Смирнов, это было иллюзорным желанием, поскольку речь идет о суверенитете палестинского народа, который осознает себя самостоятельным и пользуется международным признанием. Даже до обострения конфронтации Израиля и ХАМАС практически не было иллюзий, что без решения пале-

¹¹⁶ Налоговые поступления, собранные Израилем от имени палестинской администрации.

стинской проблемы «Соглашения Авраама» продвинулись бы настолько, насколько это необходимо для умиротворения региона¹¹⁷.

Отчасти сближение Израиля с некоторыми арабскими странами было нивелировано обострением противостояния с ХАМАС и операцией ЦАХАЛ в секторе Газа. Так, в сентябре 2023 г. глава МИД Израиля Эли Коэн впервые посетил Бахрейн, где открыл израильское посольство. В рамках визита было заключено несколько соглашений о сотрудничестве в сфере инноваций и финансов. Однако уже в ноябре 2023 г., на фоне операции ЦАХАЛ в секторе Газа, парламент Бахрейна принял заявление об отзыве посла из Израиля и о приостановлении экономических отношений, хотя израильская сторона эту информацию не подтверждала. Другой пример касается израильско-марокканских отношений. В июле 2023 г. Израиль признал суверенитет Марокко над Западной Сахарой, что стало важным шагом в нормализации двусторонних отношений. Однако после эскалации палестино-израильского конфликта в Марокко начались массовые демонстрации, в ходе которых протестующие солидаризировались с палестинцами. Власти королевства не могут не учитывать протестную активность марокканцев, и это может стать существенным ограничением для развития сотрудничества Марокко с Израилем в ближайшие годы.

Другим примером, подтверждающим тенденцию на улучшение отношений между странами региона, стало соглашение между Ираном и Саудовской Аравией о нормализации двусторонних отношений, подписанное при содействии Китая в марте 2023 г. Летом того же года, впервые за последние 7 лет, глава МИД Саудовской Аравии посетил Иран, министр иностранных дел ИРИ совершил ответный визит.

По словам экспертов, одной из причин, по которой Тегеран пошел на сближение с Эр-Риядом, стала напряженная социально-экономическая и политическая обстановка в Иране. По оценкам экспертов, ИРИ заинтересована в выстраивании конструктивного взаимодействия с другими странами. Улучшение саудовско-иранских отношений не только помогло Тегерану сократить возможные издержки, вызванные конфронтацией, но и, в перспективе, будет способствовать успешному развитию экономических связей с Эр-Риядом. Немаловажно и то, что снижение напряженности в районе Персидского залива позволяет Ирану в большей степени сосредоточиться на решении внутренних социально-экономических проблем. Эр-Рияд, заключая соглашение с Тегераном, тоже стремился минимизировать стоящие перед ним риски.

По мнению А.В. Зелтыня, налаживание саудовско-иранских отношений в большей степени будет касаться экономической сферы, за которой может последовать и политическое сотрудничество. Однако этот процесс потребует достаточно продолжительного времени, и в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном еще долгое время не будет наблюдаться реального сближения¹¹⁸.

¹¹⁷ Интервью с В.Ю. Смирновым.

¹¹⁸ Интервью с А.В. Зелтынем.

При этом ряд экспертов обратили внимание на то, что отношения Ирана и Саудовской Аравии отличаются непредсказуемостью, и поэтому улучшение отношений между странами вряд ли стоит считать полноценной и всеобъемлющей нормализацией. Саудовско-иранские отношения после исламской революции в Иране в 1979 г. неоднократно переживали как подъем, так и спад, а дипломатические контакты уже разрывались и восстанавливались. Однако нормализация 2023 г. приобрела новый внешний элемент — Китай, что дает чуть больше оснований для оптимизма.

Большинство опрошенных экспертов сошлись во мнении, что процесс улучшения отношений между Тегераном и Эр-Риядом стал позитивным импульсом для региона. Эксперты обратили внимание на то, что в соответствии с саудовско-иранским соглашением о нормализации отношений Иран пообещал не проводить антисаудовскую работу через иранские прокси. Саудовская Аравия, в свою очередь, пообещала не поддерживать антииранские группировки, в том числе Организацию моджахедов иранского народа.

Нормализация и возобновление дипотношений между Ираном и Саудовской Аравией может позитивно сказаться на урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке, хотя это не обязательно случится. По мнению ряда экспертов, несмотря на то что обе страны солидаризировались относительно необходимости урегулирования ситуации в Йемене, прямой связи саудовско-иранской нормализации с йеменским конфликтом нет. Было бы ошибочно воспринимать хуситов как проиранские прокси, которых было бы точнее определить в качестве союзников Тегерана. Поэтому влияние Ирана на хуситов представляется ограниченным.

Некоторые эксперты называют саудовско-иранское соглашение предвестником изменений в системе региональной безопасности в зоне Персидского залива. С 2018 г. США продвигали предложение о создании «арабского НАТО», имеющего антииранскую направленность. В это объединение могли бы войти страны Персидского залива, Египет и Иордания, с которыми должен был сотрудничать Израиль. По мнению Б.В. Долгова, США рассчитывали, что в случае военного конфликта с Ираном Саудовская Аравия должна была бы вступить в войну против него. С этой точки зрения саудовско-иранское соглашение, заключенное при содействии Китая, привело к срыву данного американского плана, изменению баланса сил в регионе, усилению влияния Китая и ослаблению позиций США, что изменило ситуацию в сфере региональной безопасности¹¹⁹.

Что касается Турции, то она за последние годы предпринимала действия, которые в ряде случаев нарушали баланс сил в регионе. Однако в последнее время Анкара улучшала отношения с бывшими соперниками, выстраивая сотрудничество с ОАЭ, Египтом, Грецией, а до 7 октября 2023 г. и с Израилем. В то же время, по мнению И.Э. Ибрагимова, пока не приходится говорить о том, что напряженность в Восточном Средиземноморье сошла на нет. Так, пока не очевидно, что отношения Турции с Грецией и Кипром будут

¹¹⁹ Интервью с Б.В. Долговым.

развиваться в конструктивном ключе, с учетом в том числе неразрешенных морских споров¹²⁰.

Турецкая Республика сталкивается с экономическими проблемами, которые она пытается решить в том числе за счет конструктивного взаимодействия с арабскими государствами. Так, в июле 2023 г. Турция и Египет восстановили официальные дипломатические отношения спустя 10 лет после их разрыва. Еще несколько лет назад между Анкарой и Каиром имело место довольно острое противостояние. По мнению ряда опрошенных экспертов, в 2020 г. Турция и Египет стояли на пороге прямого военного конфликта в связи с острыми противоречиями в Ливии. Однако несмотря на довольно сложные политические отношения, экономические связи между странами не прекращались. Восстановление дипломатических отношений, вероятно, станет важным дополнительным импульсом в развитии двустороннего экономического сотрудничества.

Наблюдается позитивная динамика в отношениях Турции с арабскими странами Персидского залива. В июле 2023 г. президент Турции Реджеп Эрдоган совершил турне в страны Персидского залива, посетив ОАЭ, Катар и Саудовскую Аравию. По итогам визитов с Турцией было подписано 26 контрактов, которые затрагивают сферы финансов, транспортной инфраструктуры и промышленности. Общая сумма контрактов, подписанных с ОАЭ, превысила 50 млрд долл.¹²¹, а с Саудовской Аравией была достигнута договоренность по запуску совместного производства беспилотников.

Ярким элементом тенденции на нормализацию стало возвращение Сирии в «арабскую семью». В марте 2023 г. было принято решение о восстановлении членства Сирийской Арабской Республики (САР) в ЛАГ. Вскоре стало известно, что Дамаск и Эр-Рияд достигли договоренности о восстановлении официальных дипломатических отношений. Среди экспертов высказывается мнение, что достижение саудовско-сирийских договоренностей отчасти было ускорено нормализацией отношений Саудовской Аравии и Ирана.

В 2023 г. также усилились сирийско-турецкие контакты, активно поддерживаемые Россией и Ираном. В декабре 2022 г. в Москве состоялись переговоры министров обороны РФ, САР и Турецкой Республики. Эта встреча стала первой за последние 11 лет между главами сирийского и турецкого оборонных ведомств. В мае 2023 г. состоялась встреча министров иностранных дел России, Ирана, Турции и Сирии, на которой стороны договорились о разработке «дорожной карты» по нормализации сирийско-турецких отношений. Обращает на себя внимание и то, что в преддверии президентских выборов в Турции Реджеп Тайип Эрдоган заметно смягчил риторику в отношении официального правительства в Сирии, что, однако, стоит все же рассматривать как часть предвыборной кампании.

¹²⁰ Интервью с И.Э. Ибрагимовым.

¹²¹ Uppal R., Saba Y. Turkey's Erdogan signs \$50 billion in deals during UAE visit // Reuters. 19.07.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-ends-gulf-tour-with-abu-dhabi-visit-2023-07-19/>

И.Н. Веденеев обращает внимание на то, что главное препятствие в нормализации сирийско-турецких отношений заключается в нерешенной курдской проблеме. САР настаивает на выводе турецких войск из Сирии как на предварительном условии для ведения переговоров о нормализации отношений Анкары и Дамаска. Турция, в свою очередь, опасается усиления позиций Сирийских демократических сил (СДС), которые она считает террористической организацией, и поэтому использует их как предлог, чтобы сохранять свое присутствие в Сирии¹²².

Улучшение отношений между рядом региональных игроков стало одним из ключевых трендов в отношениях между странами Ближнего Востока. Последствия атак 7 октября повлияли на эту тенденцию, в частности, на перспективы нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией. Однако, как отмечает И.Д. Звягельская, разразившийся кризис не означает сворачивания ранее наметившихся перспектив, что касается в том числе тенденции к дээскалации напряженности между отдельными игроками¹²³. Тем более, что этот тренд затрагивает отношения не только арабских государств с Израилем, но и некоторых других региональных игроков.

Повышение роли несиловых инструментов во внешней политике

На Ближнем Востоке наблюдается некоторое повышение роли несиловых инструментов воздействия в реализации внешнеполитического курса. Эта тенденция, однако, не означает снижения роли силового фактора во внешней политике стран региона.

Так, один из элементов военной доктрины Ирана заключается в экспорте исламской революции по иранскому образцу в другие страны тремя способами — военным, путем гибридных конфликтов, а также с помощью «мягкой силы». По мнению экспертов, соглашение с Саудовской Аравией, достигнутое в марте 2023 г., накладывает на Иран определенные ограничения. Столкнувшись с невозможностью экспорта исламской революции силовыми методами, Иран, вероятно, будет обращать все больше внимания на «мягкую силу» и осуществлять его путем культурной экспансии.

В Сирии, которая во многом служит форпостом Ирана в Восточном Средиземноморье, Тегеран не ограничивается военно-политической деятельностью и поддержкой проиранских группировок. Эксперты обратили внимание на то, что Иран проводит в САР большую идеолого-пропагандистскую работу, а также усиливает свое экономическое присутствие, что выражается в том числе в создании относительно нормальных условий для ведения бизнеса в Сирии и в покупке земли и инфраструктурных объектов. Таким образом, Иран осуществляет широкую работу по созданию плацдарма, который

¹²² Интервью с И.Н. Веденеевым.

¹²³ Звягельская И.Д. Ближневосточные государства действуют в тренде многополярности // Независимая газета. 08.11.2023. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-11-08/3_8871_kb.html

позволит гарантировать присутствие ИРИ в Сирии при любом возможном развитии событий.

В качестве несилового инструмента внешней политики Тегерана, возможно, стоит рассматривать и иранскую ядерную программу. По мнению В.И. Сажина, в среднесрочной перспективе Иран не будет создавать ядерное оружие. Для него это чревато политическими издержками, или даже превентивными ударами Израиля и США по иранским ядерным объектам. Вероятно, Тегеран сможет обеспечить высокий уровень развития ядерной отрасли и обогатить уран до 90%, но при этом совсем не обязательно, что он будет создавать ядерные боеприпасы. Эксперт отмечает, что для Ирана важно обретение статуса пороговой державы, которая способна создать ядерное оружие в кратчайшие сроки. В дальнейшем возможно использование Ираном высокого уровня развития ядерных технологий для усиления переговорных позиций¹²⁴.

По мнению В.И. Белова, несмотря на определенные экономические трудности, с которыми сталкивается Иран, Тегеран хотел бы занять свою нишу в новом разделении труда, которое возникает по мере развития китайской глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Участвуя в китайском проекте, а также в международном транспортном коридоре «Север–Юг», Иран стремится стать важным транзитным хабом Евразии. Кроме того, Иран пытается быть одним из ключевых региональных производителей ряда товаров промышленного назначения в таких областях как нефтехимия, фармакология, медицина и машиностроение¹²⁵. По мнению ряда экспертов, это может рассматриваться в качестве намерения ИРИ занять важные ниши в конкретных отраслях перспективной региональной экономики.

Повышение роли несиловых инструментов во внешней политике не отменяет того, что Иран продолжает сохранять значительное влияние «на земле». Так, ИРИ оказывает поддержку дружественным ему силам, входящим в «Ось сопротивления» (Сирия, ливанская «Хезболла», йеменские хуситы, иракские ополчения, ХАМАС).

Необходимо отметить, что арабские страны Персидского залива — это не монолитное объединение, и каждое государство преследует определенные цели и реализует свои возможности по-разному. Например, Катар в своей внешнеполитической деятельности всегда уделял большое внимание культурному вектору и «мягкой силе». Саудовская Аравия, в свою очередь, за последние годы скорректировала некоторые подходы во внешней политике. Так, если раньше страна пыталась активно воздействовать на ситуацию в Йемене, вплоть до прямого военного вмешательства, то в последнее время Эр-Рияд все больше обращается к дипломатическим методам достижения внешнеполитических целей.

Большую роль во внешней политике Саудовской Аравии и ее союзников играет экономический инструментарий. Экономическая помощь, которую

¹²⁴ Интервью с В.И. Сажиним.

¹²⁵ Интервью с В.И. Беловым.

эти страны оказывают Ливану, позволяет смягчить последствия тяжелого экономического кризиса. По мнению ряда экспертов, отчасти подобная поддержка связана с опасением, что Иран может укрепить свое влияние в Ливане, в том числе оказывая помощь «Хезболле». Таким образом, арабские монархии Персидского залива стремятся создать в Ливане баланс интересов, что в дальнейшем позволит играть большую роль в политических и экономических процессах, происходящих в этом государстве.

Турция, по мнению А.Г. Гаджиева, в предыдущие годы довольно активно пыталась демонстрировать свое превосходство в регионе, нередко обращаясь к силовому инструментарию. Однако в последнее время Анкара все больше реализует свой внешнеполитический курс при помощи «умной силы», сочетая жесткие инструменты с «мягкой силой», основанной на дипломатических методах и культурной экспансии. При этом Анкара активно использует на внешнеполитическом треке исламский фактор суннитского толка¹²⁶.

Несмотря на некоторое повышение значимости несилевых методов в решении внешнеполитических проблем фактор силы во многом остается определяющим. Наиболее яркий пример государства, делающего упор на фактор силы — Израиль, который не только проводит рейды на палестинских территориях, но и наносит удары по иранским объектам в Сирии. Эксперты обращают внимание на то, что в понимании израильских лидеров сильнейший Израиль — это основа его существования. После атак ХАМАС 7 октября 2023 г. фактор силы в реализации внешнеполитического курса Израиля во многом подтвердил свое ключевое значение.

Жесткая риторика, к которой обращаются некоторые страны Ближнего Востока, совсем не означает, что противостоящие друг другу стороны действительно будут применять силу. В ряде случаев она позволяет решить некоторые внутренние и внешнеполитические проблемы. Так, по мнению некоторых экспертов, для Израиля «иранская угроза» остается одной из причин, позволяющих получать дополнительную помощь со стороны США, а до нормализации саудовско-иранских отношений также была возможностью для сближения с некоторыми арабскими странами. Для Ирана, по мнению Н.А. Смагина, конфронтация с Израилем остается важным политическим инструментом, направленным на демонстрацию солидарности с палестинским народом и позиционирование себя в качестве главного защитника мусульман на Ближнем Востоке. Эксперт отмечает, что пока в исламской республике не произойдет перестройки, Израиль будет оставаться для Ирана частью идеологической парадигмы, от которой он не будет отказываться¹²⁷.

Несмотря на сохранение относительно высокого конфликтного потенциала в отношениях Ирана и Израиля открытый военный конфликт между ними не предопределен. На ограниченности конфликтного потенциала сказывается

¹²⁶ Интервью с А.Г. Гаджиевым.

¹²⁷ Интервью с Н.А. Смагиным.

географическая удаленность двух стран друг от друга. Эксперты считают, что для перерастания ирано-израильской конфронтации в прямое военное столкновение нужны достаточно серьезные основания.

Таким образом, на Ближнем Востоке происходит возрастание роли несилловых инструментов в отношениях между региональными игроками. В то же время, фактор силы на Ближнем Востоке остается во многом определяющим.

Замораживание конфликтов при сохранении рисков эскалации

В какой-то момент стало казаться, что военные конфликты на Ближнем Востоке начали терять системообразующую роль в системе региональных отношений. Ранее в ряде зон конфликтов наблюдалось довольно острое противостояние между региональными игроками. Так, в 2020 г. война в Ливии между Правительством национального согласия, возглавляемым Фаизом Сарраджем, и Ливийской национальной армией во главе с Халифой Хафтаром, могла привести к крупному региональному конфликту с участием внешних игроков. Оказывая помощь правительству в Триполи, Анкара направила в Ливию подразделения турецкой регулярной армии. Кроме того, поступали сообщения о вовлеченности в конфликт Египта и ОАЭ, которые оказывали войскам Халифы Хафтара военно-техническую и дипломатическую поддержку.

В течение последующих лет на ливийском политическом пространстве произошла частичная реконфигурация: к власти в Триполи пришел Абдул Хамид Дбейба, в то время как в восточной части страны все большую роль стал играть Фатхи Башага. К 2023 г. конфликт в Ливии перешел в замороженное состояние: за последние три года в стране не произошло крупных боестолкновений, хотя отдельные стычки имели место. В то же время нерешенность фундаментальных проблем, связанных с политическим урегулированием ситуации в Ливии, сохраняет риски эскалации конфликта. Ключевыми остаются вопросы, связанные с проведением общеливийских выборов при фактическом разделении страны на несколько частей. Не менее важно достижение договоренностей о постконфликтном будущем с ливийскими милициями, учет их политических и экономических интересов в случае возможного урегулирования.

В Сирии, где правительство контролирует около 65% территории страны, после боестолкновений в 2020 г. также удалось избежать полномасштабных военных действий. С 2019 г. Турция не проводила в Сирии крупных наземных операций, ограничиваясь авиаударами по позициям СДС, которые состоят преимущественно из курдских ополчений. В противостоянии официального правительства в Дамаске и вооруженной оппозиции в Идлибе с 2021 г. сохраняется статус-кво.

В 2023 г., на фоне ухудшения социально-экономической обстановки в Сирии, в стране усилилась внутривнутриполитическая напряженность. В южных

провинциях САР возросла протестная активность. Поступали сообщения о всплесках насилия, в том числе о нападениях на офисы правящей партии «Баас».

Кроме того, активизировались столкновения арабских племен и СДС. На фоне восстания арабских племен вооруженная сирийская оппозиция, поддерживаемая Турцией, атаковала позиции СДС в провинции Алеппо. Боевые действия на северо-востоке Сирии стали самыми интенсивными за последние несколько лет.

Помимо этого, в САР сохраняются риски всплеска террористической активности. Согласно 17-му докладу ООН, посвященному угрозам, исходящим от Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)*, в Сирии и Ираке находится от 5 тыс. до 7 тыс. членов террористической организации¹²⁸. При этом в тюрьмах на северо-востоке Сирии удерживается около 11 тыс. человек, которых подозревают в связях с группировкой. ИГИЛ* спорадически пытается освободить своих соратников из этих тюрем: одно из крупнейших нападений состоялось в январе 2022 г.

Несмотря на отсутствие активных боевых действий, за последние три года стороны не приблизились к урегулированию кризиса в Сирии. Это урегулирование включает в себя целый комплекс нерешенных проблем, среди которых — активность вооруженной оппозиции в провинции Идлиб, стремление СДС добиться автономии, а также сохранение присутствия турецких и американских войск на территории Сирии.

По мнению И.А. Матвеева, решение сирийского конфликта во многом упирается в то, удастся ли официальному сирийскому правительству договориться с местными экономическими группами о распределении доходов. При этом Дамаск не готов идти на серьезные уступки в отношениях с курдами и вооруженной оппозицией в Идлибе, так как считает себя победившей стороной. Политическое урегулирование кризиса в Сирии также зависит от перспектив восстановления экономики и ее интеграции в систему региональных отношений¹²⁹.

Таким образом, несмотря на то что конфликт в Сирии сейчас находится в частично замороженном состоянии, сохраняются значительные риски для его эскалации. Фундаментальная причина сохранения этих рисков — отсутствие политического урегулирования конфликта, обострение социально-экономической обстановки в САР, а также сохранение присутствия боевиков ИГИЛ* и других террористических организаций.

Что касается ситуации в Йемене, то здесь также не приходится говорить о горячей фазе конфронтации. Несмотря на то, что заключенное в апреле 2022 г. перемирие между Санским альянсом и арабской коалицией офици-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹²⁸ Report of the Secretary-General S/2023/568 // United Nations in Iraq. 12.08.2023.
URL: <https://iraq.un.org/en/241374-report-secretary-general-s2023568>

¹²⁹ Интервью с И.А. Матвеевым.

ально прекратило действие, фактически стороны продолжают его придерживаться.

Серьезные движения в сторону политического урегулирования отсутствуют и, по мнению С.Н. Сереброва, Йемен остается в состоянии «ни войны, ни мира». Основное препятствие для урегулирования ситуации в Йемене заключается в отсутствии платформы для решения йеменской проблемы. Эксперт отмечает, что резолюция ООН № 2216, принятая в апреле 2015 г., себя изжила, показав свою контрпродуктивность. В апреле 2022 г. была предпринята попытка созыва в Эр-Рияде конференции, которая могла постепенно эволюционировать в подготовку площадки для решения вопросов, связанных с урегулированием конфликта в йеменском формате, однако продолжения она не имела¹³⁰. По мнению опрошенных экспертов, возможность урегулирования конфликта в Йемене в некоторой степени зависит от эффективности отношений между Ираном и КСА и от того, будет ли создана платформа, которая позволит учесть интересы всех противостоящих друг другу сторон.

Палестино-израильский конфликт, несмотря на спорадические всплески насилия, тоже находился в частично замороженном состоянии. Однако в 2023 г. этот конфликт не только выделился из обозначенной тенденции, но и задал совершенно новые траектории движения, повлияв, в частности, на процесс арабо-израильской нормализации.

Фундаментальная причина обострения вооруженного противостояния между ХАМАС и Израилем заключается в отсутствии урегулирования палестино-израильского конфликта. Возможной региональной причиной атак ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. стало улучшение саудовско-израильских отношений.

В результате событий 7 октября погибло более 1,4 тыс. израильтян, еще 240 было захвачено в заложники. В ответ на атаки ХАМАС Израиль начал в секторе Газа операцию, целью которой было объявлено уничтожение движения. Эксперты сходятся во мнении, что Израилю вряд ли удастся полностью устранить ХАМАС, а гипотетическая ликвидация угроз с стороны этой организации не решает проблему радикальных палестинских движений. Более того, одним из долгосрочных последствий наземной операции Армии обороны Израиля в секторе Газа может стать радикализация палестинцев. В ходе операции Израиля в секторе погибло, по данным Министерства здравоохранения ПНА, более 16 тыс. палестинцев. Одним из итогов наземной операции Израиля в секторе Газа могут стать тяжелые гуманитарные последствия, которые отразятся на всем Ближнем Востоке.

За последние годы позиции ряда арабских стран в отношении палестино-израильского конфликта были скорректированы. Элиты некоторых арабских государств, в том числе Саудовской Аравии, на данном этапе не готовы

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹³⁰ Интервью с С.Н. Серебровым.

проявлять высокий уровень солидарности с вооруженным палестинским сопротивлением и негативно относиться к действиям ХАМАС.

Примечательно, что прямая военная вовлеченность внешних игроков осталась весьма ограниченной. «Хезболла» наносила удары по позициям израильских сил и смогла сковать часть подразделений ЦАХАЛ на ливано-израильской границе. Кроме того, движение хуситов объявило Израилю войну и обстреляло ракетами его позиции. В остальных странах Ближнего Востока пока ограничились ужесточением риторики, а Иордания отозвала посла из Тель-Авива. Поступали сообщения, что Иран отказался вмешиваться в конфликт, т.к. ХАМАС его не предупредил о готовящихся атаках на Израиль.

Потенциал для обострения противоречий есть не только в странах, охваченных военными конфликтами, но и в нестабильных государствах, которые сталкиваются с внутренними кризисами. Среди таких стран эксперты выделили Ирак и Ливан. Однако, по мнению Р.Ш. Мамедова, в случае сбалансированной политики соседних государств Ирак имеет все возможности для стабилизации и развития. Такого уровня проблем, которые последовали за вторжением американцев в Ирак в 2003 г. и активизацией ИГИЛ*, в обозримом будущем не ожидается¹³¹. В Ливане острый социально-экономический кризис может спровоцировать политическую дестабилизацию.

В Ливии, Сирии и Йемене, несмотря на замороженное состояние конфликтов, пока не идет речи об окончательном урегулировании. Более того, как отмечают В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов, ни в одной из трех ситуаций даже не приходится говорить о складывании сколь бы то ни было стабильной военно-политической ситуации¹³².

По мнению Т.И. Тюкаевой, динамика рассмотренных конфликтов носит нелинейный характер. Замороженные конфликты в любой момент могут разгореться с новой силой, что подтвердило обострение палестино-израильского конфликта. Негосударственным акторам на Ближнем Востоке будет принадлежать особая роль в качестве независимых переменных конфликтов и важных элементов системы региональных отношений¹³³.

Диверсификация внешних связей

Конфликт на Украине и введение США и странами ЕС санкций против России подтолкнули государства Ближнего Востока к диверсификации своих внешних связей, главным образом экономических. Ряд стран региона старается выстраивать сбалансированные отношения со всеми внешними акторами, в том числе с США, Китаем, Россией и Индией. При этом страны Ближнего

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹³¹ Интервью с Р.Ш. Мамедовым.

¹³² Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика — 2023. Том 15. №1. С. 79-80. URL: <https://mp.elpub.ru/jour/article/view/168>

¹³³ Интервью с Т.И. Тюкаевой.

Востока не отказываются от своей зависимости от мировой экономики, но стремятся найти модальности для сотрудничества с формирующимися центрами силы.

Эта тенденция, однако, проявляется не во всех странах региона. Так, в меньшей степени диверсификация внешних связей проявляется у Израиля. Л.Р. Хлебникова обращает внимание на то, что несмотря на развитие отношений с другими внерегиональными игроками, для Израиля выгодно, чтобы США оставались ведущей силой в регионе, так как Вашингтон — стратегический союзник Тель-Авива. Кроме того, для Израиля важно участие США в заключении соглашений с арабскими странами, потому что Вашингтон уделяет большое внимание фактору израильской безопасности, а Россия и Китай, в силу разных причин, не могут это сделать¹³⁴.

Иран ввиду политической и экономической изоляции на протяжении десятилетий выстраивал отношения преимущественно с западными внерегиональными игроками, главным образом с Китаем. Отдельные попытки выйти на диалог с США, как по иранской ядерной сделке, так и по ряду других вопросов, вряд ли могут рассматриваться через призму диверсификации внешних связей.

Турецкая Республика на протяжении последних лет выстраивала многовекторную политику, активно развивая отношения с США, рядом стран ЕС, Россией и Китаем. Тенденция на диверсификацию внешних связей не является для нее принципиально новой.

Таким образом, в данном разделе речь будет идти преимущественно об арабских странах.

Если говорить о Китае, то Пекин довольно активно развивает со странами региона экономические отношения. Большое значение для развития торгово-экономических путей, проходящих через Ближний Восток, имеет китайская инициатива «Один пояс, один путь».

Для многих стран региона КНР выступает ключевым торгово-экономическим партнером. Привлечение инвестиций из Китая представляет большой интерес для государств Ближнего Востока, так как может помочь модернизировать национальные экономики и содействовать социально-экономическому развитию. Так, лишь с Саудовской Аравией за последние два года были заключены соглашения общей суммой более 30 млрд долл.¹³⁵

При содействии Китая удалось сгладить противоречия между Саудовской Аравией и Ираном не только и не столько в интересах этих двух стран и их дальнейшего экономического развития, но также и в интересах Китая, так как удалось снизить напряженность в отношениях между двумя важными для Пекина экономическими партнерами. По мнению экспертов, это

¹³⁴ Интервью с Л.Р. Хлебниковой.

¹³⁵ Yaakoubi A.E., Baptista E. Saudi Arabia signs Huawei deal, deepening China ties on Xi visit // Reuters. 08.12.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/saudi-lays-lavish-welcome-chinas-xi-heralds-new-era-relations-2022-12-08/>

можно считать важным успехом в региональной политике страны и достаточно серьезной заявкой на активную роль КНР в политических процессах на Ближнем Востоке. Тем не менее, по мнению экспертов, это не означает, что Китай будет пытаться играть роль важной политической силы в регионе и, возможно, ограничится защитой своих экономических интересов. Так, после эскалации палестино-израильского конфликта Пекин занял довольно сдержанную позицию и не стал играть заметной роли в урегулировании ситуации на Ближнем Востоке.

В рамках диверсификации своих внешних связей страны Ближнего Востока также уделяют все больше внимания развитию сотрудничества с Индией. В сентябре 2023 г. было объявлено о работе над новым трансрегиональным экономическим проектом — коридором Индия—Ближний Восток—Европа (*India—Middle East—Europe Economic Corridor, IMEC*). В рамках этого проекта планируется создание железнодорожного коридора и морского пути, через которые будет осуществляться поставка товаров и услуг. Предполагается, что в реализации этой инициативы будут участвовать Индия, США, Саудовская Аравия, ОАЭ, а также страны ЕС. Однако результаты первичных консультаций переоценивать не стоит — для реализации таких крупных соглашений требуются годы, если не десятилетия. Тем не менее, достигнутые договоренности в определенной степени служат политическими обязательствами между странами-участницами инициативы *IMEC*.

Активное развитие отношений стран Ближнего Востока с Россией — не новая тенденция. По мнению Г.В. Лукьянова, военная операция России в Сирии, начатая в 2015 г., открыла не только и не столько перспективы в САР, сколько заставила страны Ближнего Востока пересмотреть роль России в системе региональной безопасности. После начала российской операции в Сирии страны Ближнего Востока стали в большей степени учитывать фактор России и его влияние на региональную динамику¹³⁶.

Несмотря на сложный внешнеполитический фон, связанный с конфликтом на Украине, страны Ближнего Востока и РФ продолжают поддерживать конструктивные отношения. Для некоторых арабских государств взаимодействие с Россией представляется особенно важным с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности. С рядом арабских стран региона продолжается стратегический диалог в рамках формата Россия — ССАГПЗ.

После начала конфликта на Украине наблюдается активное налаживание российско-иранских отношений. По мнению А.Р. Маргоева, сближение Москвы и Тегерана вызвано в том числе оказываемым на них значительным санкционным давлением. В то же время, в развитии российско-иранского экономического сотрудничества в решении ряда вопросов невозможно достичь существенного продвижения в сжатые сроки, в частности, в модернизации транспортной инфраструктуры¹³⁷.

¹³⁶ Интервью с Г.В. Лукьяновым.

¹³⁷ Интервью с А.Р. Маргоевым.

Также стоит отметить рост популярности ШОС и БРИКС в странах Ближнего Востока. В 2022 г. Египет, Катар и Саудовская Аравия стали партнерами по диалогу ШОС, а в 2023 г. этот статус получили ОАЭ, Бахрейн и Кувейт. О стремлении присоединиться к организации также заявляла Турция, которая имеет статуса партнера по диалогу ШОС с 2012 г.

В июле 2023 г. полноправным членом объединения стал Иран. По мнению ряда экспертов, по некоторым вопросам экономической интеграции стран ШОС за последние годы не было достигнуто существенного прогресса. В то же время, участие в ШОС может позволить усилить координацию с Ираном по вопросам безопасности.

В 2023 г. в БРИКС были приглашены четыре государства Ближнего Востока — Саудовская Аравия, Иран, Египет и ОАЭ. Для них участие в БРИКС становится дополнительной возможностью для обсуждения с руководством внерегиональных держав (в первую очередь КНР) возможностей для реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов. Кроме того, эти страны воспринимают присоединение к БРИКС как возможность найти новую международную площадку, на которой они могли бы продвигать свою повестку.

Н.А. Кожанов отмечает, что диверсификация внешних связей не означает, что страны Ближнего Востока отказываются от сотрудничества с США и ЕС. США продолжают поддерживать союзнические отношения с арабскими монархиями, Израилем, Иорданией, Египтом, Тунисом и Марокко, а также оказывают на страны региона значительное политическое и экономическое влияние. США оптимизируют свою политику на Ближнем Востоке, сокращая издержки на неперспективных направлениях, но влияние Вашингтона в регионе при этом сохраняется¹³⁸.

В Саудовской Аравии, Катаре, Бахрейне, ОАЭ, Кувейте, Омане и Сирии размещены военнослужащие США, общая численность которых превышает 30 тыс. человек¹³⁹. В 2023 г. США не только сохранили, но и усилили военное присутствие на Ближнем Востоке. В июле Вашингтон направил эсминец с управляемым ракетным вооружением, а также два десантных корабля и группу истребителей в зону Персидского залива. Кроме того, было объявлено о развертывании 26-го экспедиционного подразделения Корпуса морской пехоты США. В октябре, на фоне обострения палестино-израильского конфликта, США направили в восточную часть Средиземного моря два авианосца с кораблями сопровождения, а также силы быстрого реагирования морской пехоты.

Таким образом, арабские страны пытаются диверсифицировать свои внешние связи за счет выстраивания конструктивных отношений с Китаем, Россией и Индией. При этом сохраняется высокий уровень сотрудничества, в

¹³⁸ Интервью с Н.А. Кожановым.

¹³⁹ O'Connor T. Biden Seeks to End 'Forever Wars,' But Still Has Over 30,000 Troops in Middle East One Year On // Newsweek Digital LLC. 20.01.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20230603035133/https://www.newsweek.com/biden-seeks-end-forever-wars-still-has-over-30000-troops-middle-east-one-year-1668815>

том числе военно-политического, с США. Одновременно среди многих стран Ближнего Востока растет популярность ШОС и БРИКС, которые государства рассматривают в качестве новых площадок в том числе для продвижения своих экономических интересов.

Регионализация в контексте поиска баланса сил

В качестве одной из формирующихся тенденций на Ближнем Востоке в контексте поиска баланса сил эксперты выделяют регионализацию, которая предполагает, что страны региона все больше пытаются решать свои проблемы самостоятельно. При этом данная тенденция пока только начинает складываться, но проявляется все более отчетливо.

Эта тенденция затрагивает не столько политическую, сколько экономическую сферу. Эксперты отмечают, что за последние годы страны региона стали стремиться к большей экономической независимости и обеспечению технологического суверенитета.

А.Л. Хлебников обращает внимание на то, что регионализация на Ближнем Востоке происходит при сохранении ключевой роли неарабских государств в процессах, происходящих в регионе. Традиционно ключевыми арабскими государствами на Ближнем Востоке были Египет, Сирия и Ирак, однако их роль в системе региональных отношений постепенно менялась. В наибольшей степени на роль арабских государств повлияло вторжение американских войск в Ирак в 2003 г., а также арабская весна 2011 г. В то же время Иран и Турция стали принимать более активное участие в тех процессах, которые происходят на Ближнем Востоке¹⁴⁰.

На фоне глобального кризиса, связанного с конфликтом на Украине, Ближний Восток, по мнению ряда экспертов, во многом остается без внешней силы, способной выступить в качестве арбитра политических процессов. В XX в. подобную роль могли играть США, СССР, Франция или Великобритания. В некоторые случаи определенные условия для государств Ближнего Востока могли быть продиктованы внерегиональными игроками, хотя не все страны были довольны подобной системой выстраивания отношений. Так, ряд государств Ближнего Востока негативно относились к ближневосточной политике Вашингтона, но признавали США в качестве регионального и глобального игрока, способного оказывать влияние на процессы в регионе.

Политические элиты стран Ближнего Востока начинают все более отчетливо осознавать, что внешние гаранты системы безопасности становятся все менее значимым фактором. По мнению некоторых экспертов, это связано в том числе с выводом войск США из Афганистана, которое усилило тенденцию «легкого разочарования» политических элит стран Ближнего Востока в США как в гаранте безопасности в регионе. В то же время гарантии безопасности США, в сравнении с другими внерегиональными игроками, остаются на достаточно высоком уровне.

¹⁴⁰ Интервью с А.Л. Хлебниковым.

По мнению Л.М. Исаева, на Ближнем Востоке наблюдается реконфигурация системы региональных отношений. На сегодняшний день на Ближнем Востоке нет серьезных и прямых противостояний между странами, которые существовали еще несколько лет назад. Наблюдается стремление государств найти и сбалансировать статус-кво в системе безопасности региона. При этом в отдельных случаях можно говорить об установлении определенного баланса (в частности, в отношениях Турции с другими региональными игроками)¹⁴¹.

В логику регионализации укладывается тенденция на нормализацию отношений между некоторыми странами региона. Те государства, между которыми раньше наблюдалось соперничество, все больше стремятся договариваться друг с другом, в том числе напрямую, без содействия вне-региональных сил.

По мнению ряда опрошенных экспертов, тренд на регионализацию подтверждает стремление стран Ближнего Востока укреплять свой суверенитет и выстраивать внешнюю политику, в первую очередь исходя из национальных интересов. Эта тенденция, вероятно, будет проявляться все более отчетливо в решении ключевых проблем безопасности и развития на Ближнем Востоке.

Выводы

Таким образом, во внешней политике стран Ближнего Востока можно выделить следующие тенденции:

- Улучшение отношений между некоторыми региональными игроками, отчасти затрудненное палестино-израильским конфликтом.
- Повышение роли несилевых инструментов во внешней политике ряда стран региона, которое происходит при сохранении важной роли фактора силы.
- Замораживание военных конфликтов при сохранении рисков эскалации, с оговоркой, что из этой тенденции выбивается война Израиля и ХАМАС.
- Диверсификация связей с внерегиональными игроками при сохранении ключевой роли США на Ближнем Востоке.
- Регионализация в контексте поиска баланса сил, в ходе которой страны Ближнего Востока стремятся укреплять свою самостоятельность.

В краткосрочной перспективе выявленные региональные тенденции на Ближнем Востоке, вероятно, получат продолжение. В то же время, как показали атаки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последующая операция израильской армии в секторе Газа, событийный ландшафт может оказать значительное влияние на региональную динамику.

¹⁴¹ Интервью с Л.М. Исаевым.

Благодарность от автора

Автор главы выражает особую благодарность экспертам за их согласие дать интервью, а также за их мнения и комментарии, которые внесли вклад во всестороннее рассмотрение темы.

Владимир Иванович Белов, профессор кафедры востоковедения факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

Илья Николаевич Веденеев, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Амур Гаджибабаевич Гаджиев, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Борис Васильевич Долгов, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Андрей Владимирович Зелтынь, старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Ибрагим Эминович Ибрагимов, научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Леонид Маркович Исаев, заместитель директора Центра изучения стабильности и рисков факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Николай Александрович Кожанов, старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Григорий Валерьевич Лукьянов, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Руслан Шакирович Мамедов, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Адлан Рамзанович Маргоев, научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России.

Дмитрий Александрович Марьясис, ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН.

Игорь Александрович Матвеев, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

Владимир Игоревич Сажин, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Сергей Николаевич Серебров, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Никита Анатольевич Смагин, независимый эксперт.

Виктор Юрьевич Смирнов, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заведующий Отделом Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН.

Татьяна Иршатовна Тюкаева, научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Алексей Леонидович Хлебников, независимый эксперт.

Луиза Романовна Хлебникова, доцент кафедры иудаики Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова.

Заключение

Ближний Восток — неоднородный регион, в котором представлены арабские и неарабские общества, монархии и республики, светские и теократические режимы, относительно стабильные и крайне неустойчивые государства. Разнообразие Ближнего Востока, напряженность, вызванная противоречиями между странами региона, а также социально-экономические проблемы и политическая нестабильность в отдельных государствах выступают факторами, затрудняющими выявление общерегиональной динамики. Тем не менее, происходящие в регионе изменения позволяют говорить о некоторых тенденциях развития, которые определяются рядом глобальных, региональных и страновых факторов.

Один из глобальных факторов, оказывающих влияние на региональную динамику — экономические последствия украинского кризиса. Процесс полицентризации мира влечет за собой перераспределение баланса сил в политике и деглобализацию мировой экономики, а также способствует изменению транспортных и логистических цепочек в регионе. Кроме того, этот процесс служит дополнительным драйвером для диверсификации странами Ближнего Востока внешних связей, прежде всего — внешнеэкономических.

Однако в большей степени на тенденции на Ближнем Востоке оказывают влияние региональные факторы, среди которых — наличие ресурсных и технологических дисбалансов, дефицит водных ресурсов, социально-экономическая дифференциация, многоукладность, универсализация норм хозяйственной деятельности, возрастание степени неоднородности национальных экономик, низкий уровень развития внутрирегиональной торговли. Кроме того, сохраняется важная роль культурно-ценностных и идеологических внутрирегиональных связей. Заметным фактором остается подвижность системы региональных отношений. Так, нормализация отношений между странами Ближнего Востока, у которых ранее были острые противоречия, в ряде случаев служит дополнительным условием для деэскалации конфликтов и снижения напряженности в регионе. В то же время, «черные лебеди», такие как война Израиля и ХАМАС, служат импульсами, имеющими негативные последствия, которые подчеркивают хрупкость ситуации на Ближнем Востоке.

Ряд арабских стран региона сталкиваются с необходимостью поиска новых моделей государственного устройства, который усложняется невозможностью идти по привычному пути догоняющего развития. Процессы демократического транзита, намечавшиеся в 2011 г. в ряде арабских государств, не увенчались успехом. Власти некоторых арабских республик предлагают своим обществам безопасность в обмен на некоторые политические права и свободы. В ряде стран ССАГПЗ правительства стремятся повысить устойчивость систем за счет совершенствования механизмов управления, а также

за счет консолидации обществ вокруг реализации стратегических проектов. Что касается стран, охваченных вооруженными конфликтами, то здесь сохраняются риски для их эскалации. Вооруженные конфликты в Сирии, Ливии, Йемене, Ираке и Палестине уже привели к росту числа беженцев, что легло тяжелым грузом как на соседние арабские страны, так и на неарабские государства, в частности, на Турцию. Обострение ситуации в зонах конфликтов способно нарушить хрупкое равновесие в регионе, которое пока удается сохранить.

В Иране внутривнутриполитическая ситуация развивается под влиянием экономической конъюнктуры, ухудшающейся в результате наложенных санкций со стороны США и ряда других стран. Экономическая обстановка в стране обостряет некоторые социальные проблемы, что может стать вызовом иранским властям. В то же время, несмотря на оказываемое на Тегеран внешнее давление, стране удается сохранять стабильность и нивелировать внутренние конфликты.

В Турции наблюдается усиление позиций президента Реджепа Тайипа Эрдогана и возглавляемой им политической коалиции. Политические факторы, такие как раскол оппозиционного блока, и экономические, такие как реализуемые Турцией мегапроекты, способствуют консолидации общества вокруг действующего руководства страны. В то же время, социально-экономические сложности, связанные с высоким уровнем инфляции и проблемой беженцев, могут трансформироваться в риски в области безопасности.

Внутриполитическая ситуация в Израиле демонстрирует глубокие линии разлома в обществе. Политическая нестабильность вкупе с малоэффективным управлением и другими неурегулированными социально-политическими вопросами повлияли на неспособность отразить угрозу безопасности осенью 2023 г. При этом разнообразные конфликты, расколы и противостояния в израильском обществе имеют тенденцию к преодолению во время испытаний, подобных произошедшим событиям.

Нападение ХАМАС на Израиль в октябре 2023 г. и операция израильской армии в секторе Газа усилили противоречия между рядом региональных игроков. Так, было частично нивелировано улучшение отношений Израйля с арабскими странами, имевшее место в последние годы. В то же время, большинство государств Ближнего Востока, включая такого непримиримого противника Израйля как Иран, продемонстрировали высокую степень прагматичности и способность к сдержанности, что пока позволяет не допустить перерастания войны в крупный региональный конфликт.

Об авторах

Кортунов Андрей Вадимович — канд. ист. наук, научный руководитель и член Президиума РСМД.

Кузнецов Василий Александрович — канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, заведующий Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, член РСМД.

Яковлев Александр Иванович — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Дунаева Елена Викторовна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

Гаджиев Амур Гаджибабаевич — канд. ист. наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Хлебникова Луиза Романовна — канд. ист. наук, доцент кафедры иудаики ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН.

Бочаров Иван Александрович — программный координатор РСМД.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций по вопросам внешней политики и международных отношений в интересах российских органов государственной власти, бизнеса и некоммерческих организаций. Совет создан решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 февраля 2010 года.

РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, ежегодно осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям. Экспертиза Совета востребована российскими профильными ведомствами, академическим сообществом, российским и зарубежным бизнесом, ведущим международную деятельность.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью формирования устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии. Совет также выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, поддерживая партнерские связи с зарубежными исследовательскими центрами, университетами, ассоциациями бизнеса.

Председатель Попечительского совета РСМД — министр иностранных дел РФ Сергей Лавров. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг. Генеральный директор Совета — Иван Тимофеев. Научным руководителем Совета является Андрей Кортюнов.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Российский совет по международным делам

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА**

Доклад № 91 / 2023

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
EPA-EFE/МОHAMMED SABER/Vostock Photo

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru